



Никита Александрович Филатов
Возвращение капитана Виноградова (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16914298
Возвращение капитана Виноградова : [роман; повести] / Никита Филатов: Амфора; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-367-03869-9

Аннотация

Восстановившись на службе в МВД после незаконного увольнения, Владимир Виноградов вновь становится невольным участником драматических и кровавых событий, в которых переплелись интересы спецслужб, политических группировок и финансового криминала. Также он выполняет ряд конфиденциальных и опасных миссий по противодействию международной активности российской организованной преступности.

Содержание

Сезон охоты	5
Пролог	5
Глава первая	17
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Никита Филатов

Возвращение капитана

Виноградова (сборник)

© Филатов Н. А., 2015

© Оформление. ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

* * *

Сезон охоты

Пролог

*Может, мы обидели кого-то зря,
Календарь закроет этот лист.
К новым приключениям спешим, друзья!
Эй, прибавь-ка ходу, машинист!*

Слова Э. Успенского. Музыка В. Шаинского

Последний аккорд нехотя растворился в прокуренном воздухе, и кто-то даже попробовал аплодировать.

Впрочем, здесь это было не принято... Безупречно одетые пары потянулись обратно к столикам, торопливо забежали официанты, а худой, постаревший до времени пианист покоился на стойку бара.

– Браво, маэстро! – Высокий, холеный мужчина задержался у рояля, пропуская вперед свою даму.

– Спасибо.

– Русский?

Пришлось кивнуть – виновато, хотя и с достоинством.

– Тем более, старик! – От мужчины изрядно пахло коньяком. Перехватив снисходительный, через плечо, взгляд спутницы, он жестом велел ей не задерживаться. – Держи, заработал.

Двадцатидолларовая купюра переключалась из кожаного бумажника в нагрудный карман пиджака пианиста.

– Спасибо, сэр...

– Тебе спасибо, старик! О чем речь... – По-русски неожиданный благодетель говорил без акцента.

– Дай вам Бог здоровья! – Музыкант некоторое время еще рассматривал удаляющуюся спину и седоватый затылок соотечественника. Потом повернулся к инструменту, размял отдохнувшие пальцы и бережно дотронулся до клавишей... Играл он действительно великолепно.

– Ты, оказывается, любишь джаз? Не знала!

– Я обожаю импровизации. – Прежде чем сесть за столик, мужчина бережно приподнял холеную руку спутницы и коснулся губами ее запястья. – Как тебе здесь?

– Неплохо.

Мужчина имел основания быть довольным собой: и ресторан, и его сегодняшняя дама идеально соответствовали друг другу. Оба шикарные и дорогие, с репутацией и без фальшивого целомудрия.

– Хочешь еще чего-нибудь? – Пламя свечи, яркое и живое, служило сейчас только им двоим. Все остальные оказывались за пределами колеблющегося светового круга. Гениальная находка дизайнеров – в огромном зале каждый оказывался сам по себе... Одиночество тех, кому оно по карману.

– Нет, спасибо. Пора ехать.

– Да, конечно! – Подзывать официанта не потребовалось, тот уже предупредительно положил перед клиентом фирменную обложку с гербом ресторана. – Хм... хм!

Изучив под скучающим взглядом спутницы счет, он признал итоговую сумму справедливой. Протянул обратно папку со вложенной в нее карточкой:

– Бургундское было сегодня не из лучших.

– Да? И давно это ты начал разбираться в винах? – пожала плечами дама, когда белая спина официанта растаяла в полумраке.

– Прости, дорогая? – Седоватые брови мужчины в недоумении приподнялись.

– Да нет, ничего...

– Вот и прекрасно! – Попытки копаться в прошлом, пусть даже совсем невинные, ни к чему хорошему не приводили: скандалы, пьяные истерики... – Поедем к тебе?

– Как хочешь.

За спиной материализовался официант:

– Простите, сэр, но...

– Проблемы?

– Вам нужно связаться с банком! – На стол снова легла фирменная папка.

– Черт побери! – Очевидно, опять не прошла кредитная карта. При той беспорядочной чехарде расходов и доходов, которая отличала образ жизни посетителя, такое случалось. Обычно подобные недоразумения улаживались одним звонком. – Где у вас телефон?

– Я провожу вас, сэр.

– Извини, дорогая... – Вслед за официантом мужчина миновал несколько столиков-островков, походя потрепал по плечу загрустившего пианиста, раскланялся с кем-то смутно знакомым... На выходе из зала его ощупал взглядом здоровенный охранник в смокинге. Второй, точно такой же, со свернутым на бок носом и огромными кулаками, перекрывал служебный вход.

– Пожалуйста, сэр! – Официант сделал приглашающий жест и почти сразу же тактично оставил клиента одного.

Уютный, отделанный мрамором холл освещался не слишком ярко, но после сумрака главного ресторанного зала глазам требовалось некоторое время, чтобы адаптироваться. Диван, кресла, чугунная пепельница, несколько телефонных аппаратов на стене... Дверь слева, как помнил посетитель, вела через другой холл, с гардеробом, на улицу, надписи на двух других уверяли, что именно там находятся для желающих мужская и, соответственно, женская «комнаты отдыха».

Это было кстати, но сначала следовало позвонить. Порывшись в бумажнике и карманах, клиент обнаружил единственный «квотер» и поморщился:

– Послушайте!..

Белый парень лет двадцати пяти в рабочем чистеньком комбинезоне со множеством карманов и карманчиков как раз выходил из туалета. Широкий пояс с целым арсеналом отверток, плоскогубцев и щипчиков придавал ресторанному электрику вид лихой и ковбойский.

– Послушайте, нет ли у вас?..

– Простите, сэр... Вы – Альперович? – не дослушав, перебил парень. Это было так неожиданно, что посетитель кивнул:

– Да, это я!

– Спасибо. – Электрик улыбнулся и дважды выстрелил: в сердце и в голову. Пистолет у него оказался большой, но почти бесшумный – похожий то ли на дрель, то ли на полицейский фонарик. – До свидания...

Пока мертвое тело сползало на пол, парень успел положить рядом с ним ствол, стянул с рук нитяные перчатки. Без суеты, но достаточно деловито направился к выходу, кивнув

респектабельному швейцару, и толкнул вращающуюся стеклянную дверь... Пронзительный женский визг настиг его уже на противоположной стороне улицы.

Убийца пожал плечами, одолел еще полквартала.

Где-то заголосила первая полицейская сирена. Не прошло и пяти минут, как район заполнился надоедливym ревом и сполохами тревожных огней. Впрочем, это уже не имело никакого отношения к симпатичному добропорядочному водителю подержанного «форда», аккуратно вписавшемуся в вечерний поток легковых автомобилей. Комбинезон и прочая экипировка «электрика» мирно покоились вместе с кудрявым париком в мусорном контейнере неподалеку от набережной. А других улик, ни прямых, ни косвенных, в природе не существовало.

Сразу же за мостом пришлось припарковаться.

Сдернув с рычага трубку уличного автомата, парень набрал по памяти номер:

– Алле?

– Вы звоните по телефону... – механическим голосом отреагировал автоответчик на противоположном конце линии, – ...и если вы хотите что-либо сообщить, оставьте послание после...

– Алле, это я! Возьмите трубку, – раздраженно фыркнул недавний «электрик». Запись на магнитофон его не устраивала.

– Слушаю! – Для невидимого собеседника, очевидно, звонок не был неожиданным.

– Все в порядке. Груз доставлен.

– В полном объеме?

– Абсолютно! – Парень вспомнил безжизненное тело и пятно крови на мраморе. – Полнее некуда.

– Проблем не было?

– В пределах разумного... Что насчет гонорара?

– Вы сейчас едете домой?

– Допустим. – Что-то в разговоре с заказчиком переставало убийце нравиться.

– Назовите адрес. Мой человек подъедет, привезет.

– Это не серьезно. Была другая договоренность.

– Хорошо... – Собеседник помешкал. – Если вам так удобнее!

– Ровно через час. На том углу, где мы виделись позавчера. И хотелось бы без сюрпризов...

– Через час? Но мы должны убедиться, что все действительно... доставлено по назначению! Окончательно. Вы меня понимаете?

– Читайте газеты, – обиженно нахмурился парень. – Впрочем, можете сами съездить, проверить. У меня не бывает брака в работе.

– Не обижайтесь. Все будет так, как вы сказали.

– Спасибо! Приятно работать с серьезными заказчиками.

– Благодарю, нам тоже было очень приятно. Если еще когда-нибудь возникнут проблемы...

– Разумеется, обращайтесь! – Трубка разразилась короткими гудками. – Всего доброго, чтоб ты сдох.

«Чем богаче человек, тем тяжелее он расстаётся с деньгами. Впредь, – подумал парень, – нужно будет работать только с предоплатой...»

На встречу удалось прийти, как учили: чуть пораньше, но не настолько, чтобы примелькаться. Человек от заказчика, однако, уже дожидался – этакий раскосый крепыш в кожаной куртке. Здесь, посреди итальянского квартала, он выделялся не меньше негра в Сандуновских банях.

Собственно, на этом и строился расчет: на чужой территории все преимущества этнической преступности моментально оборачиваются минусами. Та-ак... Крепыш с чемоданчиком – раз! Еще двое азиатов в припаркованной поодаль машине. Четвертый, в шляпе и темных очках, листает журналы на прилавке перед пиццерией.

Многова-ато будет... Остается надежда, что ребята просто решили перестраховаться. Все-таки – сумма не бог весть какая для корпорации, но и ее отдавать случайным хулиганам никакого резона нету.

Теперь и крепыш заметил его. Поправил короткий ежик волос, подавая сигнал группе прикрытия. Приветливо улыбнулся.

– Хэлло! – Приходилось действовать по обстановке.

– Хай! – Очень вежливо получилось, искренне.

Произношение у крепыша оказалось отвратительное, поэтому парень даже не сразу понял, что ему предложено сесть в машину.

– Сорри?

Крепыш повторил, и на этот раз пришлось изображать непонимание уже просто для того, чтобы выиграть время.

– О йес! – Не хватило каких-то долей секунды: в спину уткнулся пистолет оказавшегося сзади азиата. Со стороны это выглядело невинной встречей товарищей по работе.

«Все-таки пожадничал заказчик, – подумал парень. – Посчитал, что дешевле грохнуть, чем расплатиться. Вот сволочь косоглазая!»

Он изо всех сил закивал, шагнул, куда велено, – и, не оборачиваясь, врезал локтем по руке с оружием. Получилось не очень убедительно, но следующим движением парень пихнул зазевавшегося крепыша в грудь, по-простому, без всяких восточных премудростей.

Косоглазый позорно упал, озадачив напарника в шляпе и случайных зевак, – вполне достаточно, чтобы...

– Вы в порядке?

– Да, в полном порядке! – А что еще отвечать?

Но блондинка не унималась:

– Вы уверены?

С точки зрения местных приличий это было довольно бестактно. Но, очевидно, видок у парня действительно оставлял желать лучшего.

– Благодарю вас! Просто сегодня был не самый лучший день.

* * *

– Вот ваше пиво...

По счастью, место в углу оказалось свободным. Отсюда прекрасно просматривались дверь в парадную и окно на втором этаже. Крохотная квартирка, служившая пристанищем последние месяцы... Скорее всего, вычислить ее азиаты еще не успели, но что-то мешало проверить теорию на практике.

– Да уж! Домой тебе тащиться не с руки – ждут-с...

– Саныч? – Это было настолько нереально, что парень даже не стал удивляться.

– Здорово, Освальд... Угостишь? – Не дожидаясь ответа, мужчина с армейской стрижкой уселся рядом. – Впрочем, теперь, наверное, моя очередь. Есть предложение...

Подавая второй бокал, хозяйка заведения помимо воли прислушалась к непонятным ей русским фразам. Судя по интонации, тот, что появился позже, о чем-то просил. Собеседник сначала не соглашался.

Все же на улицу они вышли вместе...

Рассчитывался за обоих стриженный.

* * *

– Все-таки люди делятся на две категории. Те, кто берет взятки, и те, кому их не дают! – оторвался от газеты рано расплывшийся гражданин с брюшком. В шерстяном «олимпийском» костюме с полосками и мягких тапочках, он больше всего походил на прибывшего в партийный санаторий аппаратчика средней руки. – Верно?

Сосед по камере не ответил. Может быть, не расслышал, а скорее всего, просто не захотел.

Молодой, загорелый... Недаром здесь его звали Рэмбо, прозвище просочилось с воли и прижилось. Еще бы! Пять пудов мускулов и «набитые» костяшки пальцев. Интеллект на уровне конвойной овчарки. Вот, например: к нему приличный человек обращается, а этот сопляк даже отжиматься не перестал. Уперся себе кулачищами в кафельный пол и пыхтит, пыхтит... Сейчас еще ноги задираť начнет!

Это был, безусловно, человек не того круга, к которому привык «олимпиец». Администрация могла бы подобрать соседа попримечнее... Вспомнив, что находится все же не в доме отдыха ЦК, он болезненно поморщился. Зашуршал бумагой, доставая продукты из последней передачи:

– Хотите?

Рэмбо отрицательно помотал головой:

– Попозже. – Разминки оставалось еще минут на десять, потом следовало умыться и привести себя в порядок.

– Как хотите...

«Олимпиец» хотел сказать что-то шутовское, в том духе, что попозже может и не остаться, дают – бери, а бьют – беги... но поостерегся. Было ясно, что, если сосед решит – он отберет и спрашивать не станет. Сам! И не только жратву. Тем более никаких передач с воли Рэмбо не получал, даже того разрешенного минимума, который стараются принести родные и близкие. Во всяком случае, за то время, что они провели в одной камере. И белья у него был единственный комплект – носков, правда, две пары. Стирал ежедневно, и уже наметились дырки.

– У вас когда день рождения?

– Был уже, – удивился сосед. Он стоял у раковины и с наслаждением, не жалея воды, приводил в порядок свое тренированное тело.

– Ну все равно! – «Олимпиец» решил, что на следующей встрече с адвокатом закажет из дома несколько новых трусов. И лишнюю зубную щетку.

Здесь, в следственном изоляторе Управления Федеральной службы безопасности, был просто рай... Рай земной по сравнению с теми тремя сутками, которые недавнему заместителю главы районной администрации пришлось провести в «Крестах». Неизвестно уж по каким таким процессуальным соображениям, но задерживала его милиция – молниеносно предъявили обвинение, сунули в спецмашину и, исходя из избранной меры пресечения, отправили в общую камеру на Арсенальной. Двадцать шесть человек! Шум, дым, вонь...

Совершенно неподходящее место для приличного, солидного человека. На это изредка намекал и следователь – нечасто, только когда «олимпиец» пытался менять показания или еще как-нибудь усложнял подготовку процесса.

А процесс, судя по всему, готовился показательный. В лучших традициях... Вовремя перехватив из прокурорных милицейских лап арестованного, сотрудники ФСБ достаточно четко и определенно обрисовали бедолаге перспективы – ближние и дальние. Получалось, что взамен на полный расклад «вверх» и «вбок» можно было обеспечить себе относительно-

ный комфорт до суда и разумно умеренный срок после. В случае же упрямства имелся шанс на то, что дело развалится до оправдательного приговора. Благо у тех, с кем делился взятками «олимпиец», еще оставалось немало властных рычагов, но... Обратного в «Кресты» не хотелось, и погоревший чиновник предпочел синицу в руках.

Теперь, по мере приближения окончания следствия, он начал сомневаться в правильности выбора. Моральная сторона не волновала: каждому, сделавшему карьеру в аппарате, не раз приходилось и предавать, и продавать... Мучило – не продешевил ли?

Когда вскоре после появления в камере нового соседа «олимпиец» решил поделиться с ним своими сомнениями на этот счет, реакция оказалась несколько неожиданной:

– Знаешь, я у одного умного мужика прочитал... Что когда-то человека искушала плоть – а теперь его искушает разум.

– В каком смысле?

Но комментария не последовало – Рэмбо просто отвернулся к стенке и повыше подтянул одеяло.

Он вообще оказался дурно воспитан. Запросто мог не ответить на вопрос, поучительные истории из богатого жизненного опыта сокамерника игнорировал – и вообще, относился к товарищу по несчастью с плохо скрываемым презрением.

О самом Рэмбо «олимпиец» узнал очень мало – да и то в основном не от него, а от собственного следователя. Получив очередную подпись под протоколом, довольный майор компетентных и грозных органов склонен был изредка побеседовать с арестованным на отвлеченные темы: о политике, ценах, о преимуществах отдыха в Турции перед южным берегом Крыма... Естественно, затрагивались и вопросы нынешнего бытия недавнего представителя исполнительной власти.

Со слов следователя получалось, что Рэмбо когда-то носил погоны и даже награждался чем-то посерьезнее, чем медаль за выслугу лет. Потом – то ли уволился, то ли дезертировал... Пропадал неизвестно где – и в конце концов нарвался на неприятности. С эстонским липовым паспортом и полусотней лицензионных пистолетов «ТТ» в тайнике его прихватила доблестная пограничная стража в Ивангороде. То ли рейд проводился показательный, то ли просто кто-то кому-то вовремя не подмазал, – но теперь незадачливому «ишаку», как называли в определенных кругах оружейных курьеров, светил могучий срок за контрабанду.

– Он признался? – любопытствовал взяточник.

– Нет! – с уважительной досадой помотал головой майор. – Отрицаловка полная.

– На что-то надеется?

– Нет, просто мужик тертый, соображает же. – Следователь осекся, подумав, что разоткровенничался не по адресу. Его-то собеседник как раз наоборот... все сказал – и что надо, и что не надо! Чтобы сгладить неловкость, майор выдвинул ящик стола и продемонстрировал изрядно потрепанную книжку: – Читали?

– «Артур Кестлер. Слепящая тьма», – без очков разглядел арестованный. – Нет, не приходилось.

– Рекомендую! Впрочем, я вам дам ее с собой в камеру, под мою персональную ответственность.

– Спасибо! – Как и все угодившие под стражу, «олимпиец» искренне ценил любой знак внимания со стороны представителя органов.

– Вот, слушайте. – Майор тем временем отыскал нужную страницу и с выражением продекламировал: – «...В тюрьме сознание своей невиновности очень пагубно влияет на человека – оно не дает ему притерпеться к обстоятельствам и подрывает моральную стойкость...» А, каково?

– Сильно написано.

Получалось, что если уж сидеть – то за дело и нечего корчить из себя девочку.

...Теперь «Слепящая тьма» валялась на застеленной койке Рэмбо, прочитанная обоими сокамерниками. Обсудить они ее не успели – прошлым вечером сосед был не в настроении, и в такие моменты «олимпиец» его просто-напросто побаивался. Он и утром не решился попросить книгу обратно – реакция могла оказаться непредсказуемой. Да и, собственно, какие тут литературные диспуты! С кем? С этим помешавшимся на собственных бицепсах контрабандистом? Удивительно, что Кестлера он вообще долистал до конца.

Бывший второй человек в аппарате одного из крупнейших районов нервно вскочил и прошелся по камере. Можно позволить себе! Рэмбо уже больше часа как вызвали и увели куда-то. В общем-то он со дня на день ожидал выполнения «двести первой» – так, по номеру статьи кодекса, называют процедуру, завершающую следствие... Получит свои восемь лет, освободится досрочно – такой на зоне не пропадет! А интеллигентному человеку? Да еще когда значительно за сорок и – жена, дети...

«Олимпиец» с тоской огляделся: камера на двоих, чуть не двадцать метров, телевизор, газеты свежие носят «за счет заведения»! Кормежка сносная, передачи из дома. Другие и на воле так не живут, что уж о нормальных уголовниках говорить... Но для него-то, человека с прошлым! Попавшего под жернова правосудия случайно, почти по недоразумению! Пусть по тюрьмам сидят кому положено – убийцы, насильники, хулиганы, но не такие, как он, – с заслугами, с творческим потенциалом...

– Ну? Что там? Зачем вызывали?

Дверь захлопнулась без пресловутого, многократно описанного в литературе скрипа и скрежета. Рэмбо, едва успевший шагнуть внутрь коридора, так и замер почти у порога камеры – и на лице его явственно читалось настороженное недоумение.

– Да-а, блин... – Мощная пятерня поскреблась за ухом.

– Чего там? – Таким сокамерника «олимпиец» видел впервые.

– Выпускают. Под залог! До суда.

– Под зало-ог? – Представить подобное было просто невозможно даже теоретически. Денежный залог – по «комитетскому» делу о контрабанде оружия? За человека, взятого с поддельными документами и к тому же не признающего своей вины? – Шутишь!

– Нет. Не шучу. – В голосе сокамерника не чувствовалось и намек на розыгрыш. – Велели вещи собрать.

– Да как же это! – неожиданно для себя обиделся взяточник. – Как же это? А кто внес?

– Кто внес... Нашлись. Адвокат какой-то сегодня – странный, мешком стукнутый. Да и хрен с ним! – Положенного по закону бесплатного защитника Рэмбо раньше не жаловал, толку от него не ждал, но теперь уже и не знал что подумать.

Запихивая в драный полиэтиленовый пакет небогатое свое имущество, здоровяк продолжал отвечать на вопросы:

– Пять миллионов – рублей, разумеется... Сам понимаю, что не сумма!.. Сказал же – не знаю... Разберемся.

Наконец он закончил. Наспех обвел глазами камеру, равнодушно посмотрел на остающегося:

– Бывай здоров.

– Да, конечно! До свидания, – пожал протянутую руку «олимпиец». Жизнь опять оставляла его в дураках.

– Нет уж, прощай! Дядя... – Рэмбо отвернулся к двери и коротко постучал по металлу тренированными костяшками пальцев.

Он всегда относил себя к породе победителей. А победителей, как известно, не судят.

* * *

– И сколько же это получается в марках?

– В немецких? Что-то около полутора тысяч.

– Да-а... Значит, за такую сумму у вас в России можно выкупить из тюрьмы человека?

– У нас? Быстро ты, однако!

– Ладно, не цепляйся к словам. – Хозяин, похожий на морского пехотинца из американских рекламных роликов, пренебрежительно пожал плечами. – Хорошо! У нас... у нас в России.

– Душновато. – Подчеркивая, что тема национальной принадлежности исчерпана, собеседник вытянул из пачки очередную гигиеническую салфетку и вытер пот. Затем выкинул моментально промокнувший комок бумаги в урну. – Как в парилке!

– Я привык. А сколько сейчас в Москве?

– Не знаю. Улетал – было градусов семь. Мороза...

На какое-то время беседа увяла. Тишину нарушал только бестолковый, с огромными лопастями вентилятор – слегка подвывая, он перегонял вдоль террасы тягучие струи влажного воздуха.

Джунгли начинались сразу же за полированными перильцами, так где-нибудь на Оке вплотную подступает к дачному крылечку грибной сосновый лес. Никаких ассоциаций с Кипплингом не возникало – хотелось пить и совсем не хотелось романтики.

Радовало отсутствие каких-либо кровососущих летающих тварей – это было непонятно, но очень здорово. Вообще, Африка оказалась очень мало похожей на то, что о ней рассказывали.

Хозяин, тот, что походил на морского пехотинца, скрипнул плетеным креслом и переложил поудобнее босые ноги. Из одежды на нем имелись только шорты и вытянутая майка с эмблемой «Чикаго Буллз». Гость был экипирован более официально: сандалии, брюки европейского покроя и бежевая рубашка с карманами. В одном из карманов просматривался бумажник, в другом – пластиковая, убранный за временной ненадобностью карточка прессы.

До этого они встречались только раз, больше года назад – на Кипре. Там тоже было нестерпимо жарко, и закончилось их знакомство дракой.

– В конце концов победила дружба...

– Ты о чем это? – удивился хозяин.

– Вспоминаю, какую ты мне тогда гадость вколол.

– Обычное снотворное, – хмыкнул хозяин. – Нечего было дергаться.

– Ладно, кто старое помянет...

– Не возражаю, господин Виноградов! По такому случаю положено бы выпить, но...

– ...но не в такую жару! – кивнул собеседник. – Может быть, вечером? К ночи здесь, надеюсь, попрохладнее?

– Вечерами здесь ливень. Как по часам. Тоска смертная. Сегодня прилетели?

– Будто ты не знаешь... Твои же людишки меня прямо от самолета вели, даже неудобно перед коллегами! – Виноградов расхохотался, вспоминая прибывших вместе с ним журналистов. Тертая-битая публика, многоязычная и нетрезвая шайка отборных корреспондентов виднейших информационных агентств Европы... Каждый считал, что именно он является предметом навязчивого внимания местной спецслужбы...

– А ты как думал? Я аккредитационные списки посмотрел – глазам не поверил: фамилия, имя, отчество! – Хозяин продолжал удерживать на лице улыбку. – Какую, забыл, ты там газету представляешь? Не важно... Уж решил было, что хочешь со мной счеты свести!

– Глупости какие, – настал черед гостя пожал плечами.

– Конечно. Поэтому тебя и не грохнули прямо в отеле. Или по дороге из аэропорта...
– Кру-уто встал! Кем ты, значит, здесь числишься?
– Ну-у, как сказать... Зовут меня здесь «капитан Николя». С ударением на последнем слоге. Официально – тренирую охрану президента.

– Тоже неплохо. – Виноградов уважительно кивнул.
– А фактически занимаюсь дрессировкой местных чекистов. Всякие антипартизанские акции, методика допросов.

– Спасибо за откровенность! С чего бы это?
– Ну, во-первых, тайны нет никакой, всем известно, и тебе в том числе. А во-вторых, чтоб избавить тебя от лишних соблазнов насчет сведения счетов... Если, конечно, такая мысль присутствует. Это моя поляна! Так что не наделяй глупостей.

Теперь уже улыбались оба, стараясь перешеголять один другого в выражении симпатии на лице.

– Какой ты подозрительный!
– Потому и живой... Полковник, говорят, доигрался?
– Прости его, Господи!
– А Рэмбо ты все же из тюрьмы вытащил – и к себе взял?
– Под себя! – уточнил Виноградов. – Кстати, Освальда помнишь? Инструктора по стрельбе? Тоже теперь в фирме работает. Умудрился поссориться с серьезными людьми, да еще за границей... Еле успел, между прочим. В последний момент выискал. Да что там! Почти все, кто после «сафари» живым остался, – у меня.

– Хм-м... – потянулся к пустому стакану «капитан». – Значит, ты теперь командуешь? Смена руководства...

– Смена курса! – уточнил гость. – Мы теперь занимаемся несколько другим. Более, так сказать, благородным делом...

– Интересно! Каким же?
Виноградов коротко, но достаточно полно обрисовал ситуацию.
– Да-а... Твоя идея?
– Моя. Нравится?
– Как сказать... Вот уж точно, мент – он и в Африке мент! И по жизни, и по масти – чем бы ни занимался.

Оба еще немного посмеялись, потом гость вернулся к делу:
– Так ты согласен участвовать?
– Я-то тебе зачем нужен? Старый, ленивый...
– Кадры! Кадры решают все, как писал один дядечка.
– Знаю. Сталина цитируешь?
– Нет, Коля... Давным-давно в Италии твой тезка жил, по фамилии Макиавелли. Впрочем, может быть, и до него додумывались.

Некоторое время молчали – под астматический хрип вентилятора. Откуда-то из глубины мясистых, тяжелых тропических зарослей подала голос невидимая птица. Кто-то квакнул.

– Извини. Наверное, это не для меня уже.
– Жаль. Подумай все-таки.
– Сам посуди, Виноградов, – какой смысл? Здесь я фигура, личный друг президента... Апартаменты во дворце, эта вот хижина, кое-какая недвижимость на побережье. Курорт... Кстати, бабу хочешь?

– Конечно! Негритянку?
– Да хоть черненькую, хоть беленькую... Без проблем. Вечером организую.
Гость молчал, ожидая продолжения.

– Все бросать? Опять черт те куда тащиться? Или в тюрьму, или под пули... Нет! Давай забудем.

– Думай сам. Человек взрослый... – Виноградов показал пальцем на висящий у двери портрет пожилого негра с козлиной бородкой и погонами бригадного генерала. – Он же не вечный! Читал, наверное, что на последней Генеральной Ассамблее было?

– Да насрать мне на ООН! Понял? И ему тоже. Пусть засунут свои резолюции...

– Ты, кстати, тоже в списках Международного трибунала.

– Не-ет! – задетый за живое, оскалился хозяин. – Это не я в списках, это какой-то «капитан Николя»... Может, он похож на меня просто?

– Надеешься вовремя смыться?

– Надеюсь! – без лишнего кокетства признался он.

– А стоит ли ждать? Вдруг уже пора?

– Что-то знаешь? Или так – мысли вслух?

– Ничего конкретного, – со вздохом признался Виноградов. – Но у нас неплохие аналитики... Скорее всего, президента попытаются скинуть в день рождения. Торжества намечаются?

– Как обычно! – Аналогичной информацией служба безопасности уже располагала, и нужные меры принимались.

– Ты в курсе, что в страну прибыл сам Епископ?

– Да, – кивнул хозяин. Он даже хотел добавить, что с часу на час ждет сообщений от группы рэйнджеров, посланных ликвидировать лидера оппозиции. Задача непростая – следовало оседлать дорогу от партизанского лагеря на севере до трансконтинентального нефтепровода и перехватить колонну в пути. Впрочем, ребята должны были справиться. – Ситуация под контролем.

– Смотри... Ладно, чтоб больше не возвращаться к этой теме: держи!

– Сколько у нас пробудешь? – поинтересовался «капитан», принимая из руки гостя прямоугольник визитной карточки.

– До послезавтра. Но видется нам на всякий случай больше не стоит. Так что привет от меня негритянкам!

– Тебе виднее... Это что значит?

– Телефонный номер. Четыре последние цифры наберешь в обратном порядке, если захочешь переговорить.

– Понятно. Значит – «Криминальное обозрение», заместитель главного редактора?

– Да, такой еженедельник, не очень толстый... Орган Министерства внутренних дел и Фонда безопасности экономики. Я туда официально теперь откомандирован.

– Крыша? – кивнул хозяин. – Отличное прикрытие.

– Почему это? – обиделся гость. – Моя основная работа, милицмейская журналистика. Да, а то, о чем мы сейчас говорили... Так, нечто вроде хобби! В свободное от службы время.

– Бесплатно? Из любви к искусству?

– Какая разница, – отмахнулся Виноградов. – Конечно нет! Кто-то взятки берет, кто-то ларьки по ночам коммерческие охраняет, кто-то... Каждый подрабатывает как может, мой бизнес – не самый грязный.

– Здравствуй, страна героев! – нараспев продекламировал «капитан». – Я уже начинаю чувствовать ностальгию по Родине... Да, кстати! А если я позвоню прямо по этому телефону, как написано?

– Попадешь в редакцию. И там тебе вежливо ответят, что Владимир Александрович Виноградов в длительной служебной командировке... Жду звонка.

– Вряд ли! Счастливо провести время.

Они обменялись рукопожатиями. Ладони у обоих оказались чуть влажными, но не настолько, чтобы это вызывало неприятные эмоции...

...Хуже, когда мокрые от пота ладони не в силах справиться с магазином. Скользкий металл не хочет держаться под нужным углом, отказывается принимать в себя выпуклые цилиндрики патронов, предательская пружина становится сильнее дрожащих от напряжения пальцев...

– О'кей! – Недавний виноградовский собеседник похлопал одного из немногих оставшихся в живых автоматчиков по плечу и пригнулся – пригнулся за долю секунды до того, как пущенная снаружи очередь прошла стену на уровне его головы.

– Вот ведь их... перемать! – Это получилось по-русски, и негритянский парнишка с родовой татуировкой на щеке непонимающе оторвался от наспех оборудованной амбразуры. Пришлось перевести: – О'кей!

Хотя, конечно, все было вовсе не «о'кей»: атакующие раздобыли где-то бронетранспортер. И прямо с середины площади поливали то, что осталось от президентского дворца, из крупнокалиберного пулемета. Если правда, что на их сторону перешел гвардейский танковый полк, жизни сторонникам рухнувшего режима оставалось не более четверти часа. В дыму и грохоте то и дело мелькали фигуры в камуфляже и черные физиономии – усыпав площадь трупам, противник стал осторожнее и не торопился начинать очередной штурм. Видимо, ждали огневой поддержки...

Коротко, двумя одиночными выстрелами парень с татуировкой срезал замешкавшегося в уличном проеме революционера. Радостный, посмотрел на инструктора – в ожидании похвалы.

– Бест! – кивнул тот. Словарный запас его на английском был весьма ограничен. Поэтому пришлось воспользоваться родным языком: – Да, братан, пора когти рвать отсюда...

Подумалось: где же этот козел-президент? Вертолет, специально дожидавшийся подобного случая во внутреннем дворе, догорал, развороченный прицельным выстрелом гранатомета. Никакого обещанного подкрепления не наблюдалось.

Хорошо, что на стороне Епископа почти не было профессионалов – огонь велся плотно, но беспорядочно. При умелом командовании дворец взяли бы давным-давно.

Проморгали... Диктатура сыпалась, как карточный домик. Хорошо, что успели ликвидировать большую часть заключенных! Но все равно оставалось достаточное количество местных оппозиционеров, которые не преминут опознать его как участника... интенсивных допросов.

– Сэр! – В помещение влетел один из адъютантов. Перепрыгнув через мертвеца с развороченной осколками спиной, он присел и в таком положении попытался откозырять.

– Дурачок, – снисходительно фыркнул «капитан Николя». Брошенные им в здешнюю почву семена европейской субординации и дисциплины проросли весьма своеобразно.

В следующее мгновение пространство вокруг завернулось в рокошущую спираль и с размаху швырнуло инструктора в обрушившийся проем. Его даже не успело обжечь расплескавшимся пламенем – к счастью, первый снаряд угодил в соседний угловой кабинет. От второго танкового залпа, почему-то почти без грохота, сложилось западное крыло дворца, похоронив под собой половину обороняющихся.

В этот момент, однако, «капитана» там уже не было. Оглушенный, с забитыми пылью легкими, он торопливо карабкался по горящим со времени первого штурма развалинам... Оставалось пробраться через чужие позиции, миновать квартал, потом – еще один, заполненный ликующей на безопасном расстоянии толпой...

В конце следующей улицы белело ажурной оградкой голландское посольство. Это был шанс – и не использовать его представлялось нелепой расточительностью.

– А вот сдохнуть... сдохнуть – мы всегда успеем! – бормотал виноградовский знакомый, перехватывая жгутом окровавленную выше локтя руку.

Глава первая Россия

Не пойман – не вор...
Русский фольклор

– Тихо, дамочка! Тихо... Без глупостей. – Судя по огромному, в четверть неба, щиту у обочины, автострада наконец привела их в город.

– С возвращением. Не соскучились? – Водитель оторвался на секунду от убегающей под колеса дороги, подмигнул пассажирке и с удовольствием пошевелил затекшей спиной. Плечи у него были могучие, распирающие грубую турецкую кожу поношенной куртки.

– Ребята, может быть, все-таки договоримся? – Пассажирка, женщина лет тридцати пяти с лицом деревенской учительницы и макияжем буфетчицы, попыталась пошевелиться. При этом коленки ее кокетливо приоткрылись.

Впрочем, особой надежды в голосе не было.

– Опять? Ну как не стыдно! – покачал головой сидящий слева от нее. – Надоело.

– Думайте о божественном! – поддержал его сосед справа.

Все были усталы и несколько возбуждены – как обычно, перед окончанием долгого и непростого пути.

– Мальчики, это серьезная сумма... Только представьте! На всех хватит.

– Слушай, – обратился тот, что справа, к водителю. – Она тебе переспать предлагала?

– Конечно! Еще в Варшаве.

– И мне! – вмешался левый сосед пассажирки. – Прошлой ночью, честное слово.

– А мне – нет... Даже обидно как-то.

– Не волнуйся. Просто у тебя вид такой – самого неподкупного. Это же только мы знаем, что в душе-то как раз...

– Коз-злы! – ощерилась дама. – Пожалеете, падлы.

– Зря вы так, – сокрушенно покачал головой водитель. – Такая с виду милая...

– На этом они все и горели, – философски констатировал с переднего сиденья Рэмбо.

– О, шеф проснулся... С добрым утром!

– Где мы? Скоро еще?

– Считай, прибыли! Скоро ГАИ, родной милицейский пост...

– Так ты и здесь, что ли, поработал?

– Бывало, бывало... Когда еще генерал нынешний с полосатой палкой трешки на дороге сшибал!

– Я писать хочу, – подала голос пассажирка.

– Чего? – не понял сначала Рэмбо. – Чего хотите?

– Я хо-чу пи-сать! – почему-то торжествующе отчеканила по слогам дама. Она по накопленному за дорогу опыту знала, что именно подобные моменты причиняют ее сопровождающим максимум хлопот.

– Минут десять осталось, не больше, – опережая вопрос командира, сообщил водитель.

– Придется потерпеть! – принял решение Рэмбо.

Пассажирка зашипела не по-людски, но остаток пути они преодолели в молчании...

– Вот они, справа!

– Сам вижу. – Не заметить встречающих было невозможно, и водитель уже прижимался к обочине.

Бело-голубой жигуленок с эмблемами Госавтоинспекции, казалось, навечно укоренился метрах в ста от поворота. При виде его зазевавшиеся автомобилисты судорожно сбрасывали скорость и делали соответствующие лица.

– Привет!

– С возвращением.

Выбравшийся из машины Рэмбо и седой крепыш в плаще обменялись рукопожатиями.

– Встреча на высшем уровне? – поинтересовался старший из прибывших. Любопытство его нельзя было назвать праздным: помимо сидящего за рулем «жигулей» старшины, в свиту крепыша входили два одинаково скроенных молодых человека. Пока первый занимал позицию перед капотом, второй оказался чуть сзади, на некотором расстоянии.

– Ситуация несколько изменилась. – Седой уже разглядел на заднем сиденье напряженные силуэты женщины и ее «опекунов». Теперь он мог сосредоточиться на собеседнике. – Дамочку передаете нам. Из рук в руки, прямо сейчас.

– Но... у меня другие указания.

– Приходится действовать по обстановке. Потом поймешь! Считаю, что свое дело вы сделали, теперь наша работа.

– Было сказано, что я должен ее довести до... – Оставалось надеяться, что спутники сориентировались и в нужный момент не растеряются.

– Не валяй дурака! – Седой дотронулся до щеки, и мгновенно прибывшая машина оказалась под дулами двух короткоствольных израильских автоматов. Самому Рэмбо уперся в живот солидных размеров глушитель. – Расстанемся по-хорошему...

Со стороны трассы все это выглядело как обычная милицейская проверка. Участники дорожного движения только облегченно вздыхали, радуясь, что на этот раз тормознули не их. Старшина за рулем с отсутствующим видом разглядывал кроны деревьев, – но рука его на всякий случай елозила по расстегнутой кобуре.

Рэмбо изобразил замешательство:

– Ребята, мне бы связаться с...

– Доберешься – доложишь. Так, мол, и так, передал заказчикам в целости и сохранности! Могу выдать расписку.

– Неплохо бы. – Рэмбо медленно отодвинулся так, что собеседнику и его подчиненным стало видно происходящее внутри салона. – Как считаешь, братишка?

– Не, я против... – Расположившийся справа от оцепеневшей в недоумении пассажирки мужчина уже успел одной рукой приобнять соседку за плечи. Другую он поднял над головой так, чтобы всем заинтересованным сторонам стала видна зажатая в ней граната. – Фокус!

Он зубами выдернул кольцо и нежно прижал ребристый металлический корпус к женской шее. Сплюнул и прокомментировал – в первую очередь для соседки:

– Только вот дергаться – не надо!

Рэмбо сделал виноватую мину:

– Очень неуправляемый молодой человек... Просто псих какой-то, сами видите!

– Дешевый понт. Зачем такой цирк? – Однако интуиция хорошего игрока в покер не позволяла седому нажать на курок.

– Шеф, он взорвет! Этот – может... – подал голос один из автоматчиков.

– Заткнись! – оборвал подчиненного крепыш.

– Я с ним служил, – счел все-таки необходимым прокомментировать собственную точку зрения тот. С деланным равнодушием пожал плечами и даже шагнул поближе, показывая, что на собственную жизнь ему наплевать, но решение примет все равно старший. – Псих!

Седой занервничал. Судьба окружающих его интересовала мало, но мертвая дамочка была никому не нужна. Тем более с оторванной напрочь башкой.

– Зря вы так!

– Наверное, – не стал спорить Рэмбо.

– Мы же все равно ее вытащим к себе... Раньше, позже! Не из ментовки, так из тюрьмы – просто денег уйдет побольше да времени.

– Имеете полное право! – Собеседник и в этом не стал перечить. – Только это уже – не нашей фирмы проблема. Верно?

– Идиоты, – вздохнул, сдаваясь, седой. – Поехали!

– В соответствии с ранее намеченным планом? – уточнил Рэмбо. – Сопровождаете нас через КПП, потом доводите по городу до Следственного управления?..

– Ладно! – Видимо, седой умел проигрывать. Скомандовал подчиненным: – Прячьте свои балалайки... И по местам, быстренько!

Усаживаясь вслед за автоматчиками в милицейские «жигули», он уточнил:

– Без глупостей только, понял? И поаккуратнее, чтобы не рвануло на ближайшей кочке.

– Постараемся, коллега, – помахал ладошкой через опущенное стекло Рэмбо. – Не обижайтесь, работа наша такая!

Выругавшись почти беззлобно, руководитель «встречающей» делегации захлопнул дверцу:

– Чего стоишь? Поехали... Потом разберемся.

Пост ГАИ миновали в сопровождении эскорта, без неприятностей. Да и в дальнейшем, по городу, ехали с полным комфортом.

– Тоже мне, верблюд! Нашел чем плевать. – Левый сосед пассажирки, пыхтя и постанывая, шарил под ногами у себя и сидящих рядом. Действовать приходилось вслепую, к тому же он пару раз больно стукнулся щекой об обтянутую капроном коленку.

– Ищи, братан, ищи... А то придется ее прямо у Большого дома выбрасывать. Могут не понять! – обернулся Рэмбо.

Водитель хихикнул:

– А я думал, вы блефуете. Думал, учебная...

– Хочешь поддержать? – ласково поинтересовался их спутник с гранатой.

– Козлы вы, мальчики! – сглотив слюну, поставила диагноз виновница инцидента.

– Ради вас, между прочим, старались, мадам! – обиделся пассажир справа.

– Нашел, – прокряхтел, разгибаясь, его напарник. Машина как раз притормозила перед светофором.

Совместными усилиями сидящих сзади, при полной индифферентности дамы и консультационном участии водителя, гранату удалось привести в начальное, относительно безопасное состояние.

– Подъезжаем!

Действительно, оставалось не больше квартала. Все, за исключением пассажирки и сидящего за рулем, натянули на лица то, что в спортивных магазинах кокетливо именуется «маской лыжника» – черный вязаный чулок с прорезями для глаз и ротового отверстия. Лыжников в таком облачении мало кто видел, зато подобными типажам пестрят кадры хроники об операциях боевиков и многочисленных в наше криминогенное время силовых структур.

– Ого! – На тротуаре перед служебным подъездом томно покуривало несколько предусмотрительно задействованных хитрым Саньчем спецназовцев. Помимо их закованных в бронежилеты и увешанных устрашающей амуницией фигур наблюдались: наряд патрульно-постовой службы, дюжина штатских корреспондентов и сам Владимир Александрович Виноградов, к которому собеседники в зависимости от своего социально-профессионального статуса обращались либо «товарищ майор», либо «коллега». – Цветов не надо...

При виде такого скопления заинтересованных лиц гаишная машина с седым и его автоматчиками, не снижая скорости, миновала опасное место. И скрылась за поворотом.

– С Богом! – Водитель вывалился из потока транспорта, припарковался вплотную к поребрику. Собравшиеся встrepенулись: за считанные мгновения три выскочившие наружу безликие фигуры выволокли на тротуар легко одетую женщину, подхватили ее и внесли в открывшиеся двери Следственного управления.

Самые везучие успели щелкнуть редакционными фотоаппаратами.

Теперь уже не торопясь, соблюдая правила, водитель влился обратно в поток автомобилей. Тот, кто попытался бы по номеру определить принадлежность используемого им транспортного средства, вряд ли преуспел бы в этом. Тем более что уже тем же вечером в одном из пригородных полуполюгальных гаражей машину разбирали на запасные части.

Следует добавить, что задержавшиеся на журналистском посту корреспонденты так и не дождались появления скрывшейся за массивными дверями четверки. Рэмбо с помощниками покинули казенный дом через другой, не известный широким массам выход, затерявшись среди многочисленных клерков главка. А их подопечная так и осталась в холодной и неудобной камере на втором этаже...

* * *

– Вряд ли подобное упрямство будет способствовать нашему дальнейшему сотрудничеству! – В голосе посетителя недвусмысленно зазвенел оружейный металл. – Элементарное мальчишество, игра в принципиальность...

Он был тучен, на грани нездорового излишка веса – и в своем тысячедолларовом костюме напоминал рассерженного бегемота. Нога в ботинке из некоего экзотического материала нервно подрагивала, галстук переливался матовыми бликами.

– Надеюсь, вы не хотите обидеть моего молодого коллегу? – Собеседник, напротив, упрятан был в серый пиджак и такого же цвета отечественные брюки из расположенного неподалеку универмага. Без особых примет: профессионал выделил бы только излишне оттопыренные уши. Нельзя сказать, чтобы и эта реплика сочилась нежностью.

Третьим в комнате присутствовал Владимир Александрович Виноградов, тот самый – считавший основным местом своей службы должность заместителя редактора «Криминального обозрения».

– Я никого не хочу обидеть, – справившись с собой, веско провозгласил толстяк. При этом он исподлобья взглянул на Виноградова. – Мы все деловые люди... Представляете, во сколько теперь обойдется доведение акции до логического завершения? Придется вытаскивать дамочку из тюрьмы или беседовать с ней... особыми методами прямо там! Это очень хлопотно.

– Да, вероятно. – Всем своим видом Владимир Александрович демонстрировал, что проблемы гостя их практически не волнуют. С точки зрения ушастого, партнер несколько переигрывал, но толстяк уже поддался на провокацию.

– Напрасно улыбаетесь! – Если бы не комплекция, он уже давно бы вскочил и ходил из угла в угол по комнате. – Напрасно... Мы вынуждены будем из-за ослиного упрямства ваших людей тратить огромные суммы. Видимо, стоит их вычестить из оставшейся части гоночара, как считаете?

– Не советую.

– Вот как? Почему же это? – Гость воинственно тряхнул подбородком. Но сделал он это, скорее, по инерции, уже осознав невыгодность и зыбкость своей позиции.

– Просто – не советую.

Ушастый произнес свою реплику так, что некоторое время все трое молчали. Потом заговорил Виноградов:

– Мы продолжим беседу? Или расстанемся.

– Извините. Погорячился... – Чувствовалось, что подобная капитуляция далась толстяку с огромным трудом.

– Ничего, бывает! – Уши старшего коллеги Виноградова примирительно пошевелились и замерли.

– Давайте определимся. Во избежание, так сказать... – Владимир Александрович явно говорил с гостями без особого почтения. – Мы не бюро услуг по подготовке разборок. Мы даже не берем на себя функции правосудия! Мы просто помогаем этому правосудию осуществиться.

– Это я слышал. Еще при первой встрече, – поморщился толстяк. Он уже забыл, когда с ним разговаривали подобным тоном. Даже вице-премьер не позволял себе, а этот сопляк!..

– Жаль! Жаль, что не сделали соответствующих выводов... И прошу вас – не перебивайте, хорошо? Вот и договорились. – Виноградов демонстративно буравил взглядом одну из пуговиц на расплывшемся животе собеседника. – Так вот... Вы обратились к нам с просьбой. В упрощенном виде она выглядела следующим образом. Некая гражданка, пользуясь собственными незаурядными способностями и разгильдяйством кое-кого из высокопоставленных чиновников и членов Совета директоров, нагрела вашу банковскую ассоциацию на круглую сумму в... несколько миллионов долларов. Пострадали, естественно, прежде всего юридические лица, но и частных вкладчиков оставили с носом. А среди них были такие лю-юди...

Владимир Александрович закатил глаза, представив себе череду генеральских погон, демократических кремлевских бородавок и надушенных, известных всей стране по кино- и телевизионным экранам женских бюстов.

– Большие, одним словом, люди. От которых обещаниями не откупишься. Что-то пришлось заплатить сразу, что-то – отсрочить... А дамочка тем временем – испарилась! Вместе со счетами в неизвестной стране, чемоданом наличности и документами на неустановленное имя. Дело, конечно, возбудили уголовное! Но денег-то получать все равно оказалось не с кого, не так ли?

– Вы это кому объясняете – мне? – прохладно поинтересовался гость.

– Да нет, зачем же... Просто хочется искреннего понимания и взаимной ответственности. Итак! Вы лично, от имени ассоциации, обратились к нам. Почему?

Рыхлые плечи поднялись и опустились.

– Всем известно, что... – толстяк обвел взглядом офис, – ...что эта фирма специализируется на определенного рода услугах.

– Правильно. Мы делаем то, что не хочет – или не может – сделать официальная правоохранительная система. Многие вроде вас, приходя сюда, считают фирму чем-то вроде «эскадронов смерти», таким полубандитским синдикатом криминального толка. Отнюдь нет! Просто кто-то же должен помогать правосудию, верно? Пусть иногда пренебрегая некоторыми незначительными буквами закона – но исключительно ради торжества его духа.

– Тем не менее я хочу знать – почему вы мне эту стерву не отдали? Остальное, простите, – сотрясение воздуха.

– Мы не работаем на клиентов! Мы работаем на правосудие – правда, в интересах клиентов. Почувствуйте разницу... Приходится помогать торжеству справедливости на коммерческой основе. Возьмем, например, ваш конкретный случай. Ассоциации банков до зарезу нужно вернуть свои деньги. Ни милиция, ни всемогущая госбезопасность помочь не в состоянии. Вы официально объявляете награду за содействие в установлении местонахождения отъявленной негодяйки, где бы она ни находилась. Более того, отдельная премия предназначается тому лицу или лицам, которые окажут правоохранительным органам содействие в задержании находящейся в розыске обвиняемой. Заметьте – правоохранительным органам! Очень благородная миссия... Мы вызвались помочь. Сумма, указанная в газетах, выглядела

внушительно, она вполне могла впечатлить начальника РУВД или частного сыщика-энтузиаста, но для серьезной работы ее явно было недостаточно.

– Насчет денег у нас противоречий и не было! – На финансовом поле гость чувствовал себя куда увереннее, чем в дебрях криминала.

– Ну в таких делах не торгуются! Тем более – с нами, – подал голос ушастый.

– Хм... Тридцать процентов от определенной следствием суммы ущерба. Прилично!

– Да, – с удовольствием констатировал Виноградов. – Причем половина вперед. Вы же сразу согласились? И оплатили?

– Это был риск. Под мою ответственность.

– Ну, не совсем под вашу, – показал осведомленность ушастый. – Собиралось Правление ассоциации, есть секретный протокол.

– С вами трудно иметь дело!

– Зато приятно. Срок был месяц? Мы доставили ее еще до конца третьей недели.

– Куда доставили-то? Куда? Плевать я хотел на всех этих ваших следователей, прокуроров... Баба нужна мне! Я платил, а не государство! – Все-таки запасы выдержки у толстяка исчерпались. – Я этой суке матку выверну, лично! Она все счета назовет, каждую заначку до цента... Умолять будет, чтоб только сдохнуть позволили.

– Видите ли... Дальнейшая судьба разнообразных негодяев нашу организацию интересует в наименьшей степени.

– Да, – поддержал старшего коллегу Виноградов. – Наша задача выполнена, а уж с правоохранительными органами разбирайтесь сами.

– Вы представляете, сколько мне теперь будет стоить вытащить эту стерву из следственного изолятора? Нет, конечно, мы и это сделаем, никуда она не денется, – но зачем лишнее платить? Всяким тварям взятки...

– Даже слышать не хочу! – отгородился ладонями ушастый. – Просто не верится, что в милиции еще встречаются факты коррупции.

Толстяк чутко отреагировал на издевку:

– Во-от как? Слышать не хотите... Ладно! – Он сосредоточился и оторвал себя от кресла. Сначала живот, потом уже все остальное. – Счастливо оставаться.

– У вас есть претензии по объему, качеству и срокам выполнения оговоренных ранее услуг? – Виноградов дал возможность гостю сделать шаг в сторону двери и только после этого остановил его вопросом.

Сорокапятилетний доктор права, депутат и президент Банковской ассоциации региона помедлил, потом выдохнул:

– Нет. Формально – нет!

– Когда нам прислать человека за деньгами?

– Оставшуюся сумму гонорара вы получите на следующий день после того, как я смогу побеседовать с вашей бывшей подопечной... в неофициальной обстановке.

– Принимается. – Владимир Александрович не сомневался, что это произойдет в ближайшие дни. – Вне зависимости от результата?

– Как и договаривались.

Не подавая никому руки, толстяк вышел из комнаты. На экранчике монитора возникла его удаляющаяся по лестнице глыба.

– Пусть идет! Все в порядке, – сообщил охране ушастый. Потом отпустил кнопку селектора и, дотянувшись до массивной, под старину, напольной лампы, выключил упрямый в нее высокочувствительный микрофон. – Запись окончена...

– Хороший, между прочим, мужик! С ним можно иметь дело.

– Ну если прикинуть, как ты себя вел... Считай, что врага себе нажил.

– Нет, – улыбнулся Виноградов. – Такие только силу уважают. И профессиональную компетентность. Вот мы и продемонстрировали – и то и другое.

– Жизнь покажет. – Старший коллега прихватил со столика пачку газет, встал и помахивал за собой Владимира Александровича. – Пойдем потолкуем.

Он повернул ключ во второй, уводящей в глубь здания двери. Собеседники миновали некое подобие конференц-зала с огромным видеоэкраном и дубовыми панелями на стенах: матовые плафоны причудливо размывали очертания дорогой итальянской мебели. За этим помещением находилась еще одна комнатка, и только уж после, набрав цифровой код и приставив к сенсорной пластине подушечку большого пальца, ушастый ввел Виноградова в святая святых фирмы – так называемый «бункер». И хотя находилось это помещение вовсе не под землей и на защиту от ядерного взрыва не проектировалось, выстрелы из гранатомета его стены и дверь выдержали бы запросто. Средствам электронной защиты от любых форм «несанкционированного проникновения или снятия информации», составлявшим основную начинку бункера, могла бы позавидовать любая посольская резидентура.

Оба молчали, пока, замыкая специально оборудованное пространство, не встала на место тяжелая дверь – без скрипа, но с мягким причмокиванием герметических прокладок.

Хозяин привычно пробежался по клавиатуре – пальцы его давным-давно уже сами запомнили, какую и когда нажать кнопку, чтобы больше не беспокоиться о конфиденциальности разговора.

– Присаживайся.

Освещение в бункере было яркое – как раз настолько, чтобы не раздражать зрение. Столик, три кресла из легкого пластика, встроенный блок индивидуальных сейфов. Зачем-то – пепельница и пластиковые стаканчики, хотя ни курить, ни похмеляться здесь никому отродясь не приходило в голову.

– У вас ко мне претензии, командир? – не выдержал затянувшейся паузы Виноградов.

– Если бы у меня были к тебе претензии... – веско наморщил лоб собеседник, – ...ты сейчас кормил бы собой насекомых. Где-нибудь в лесу, на Карельском перешейке. Они любят мясо с душком.

Тон соответствовал перспективе, поэтому Владимиру Александровичу осталось только непроизвольно сглотнуть слюну.

Ушастый продолжил – несколько мягче, с удовлетворением человека, добившегося желаемого эффекта:

– Просто пришла, видимо, пора побеседовать. Поразмыслить вдвоем, подвести итоги... Не возражаешь?

– Что вы! Опыт – это, наверное, самое ценное из того, что за деньги не купишь. – Виноградов почти не лукавил.

– Чужой опыт, – отмахнулся старший, – ни хрена не стоит! Если он сам по себе. Редко кто способен пропустить его через собственные мозги, печеньку, ребра... Иначе человечество не крутилось бы тысячелетиями на одном месте!

«Очевидно, – подумал Владимир Александрович, – страсть к философским обобщениям – категория возрастная. Каждого, кто дожил до седины и геморроя, вечно тянет поделиться с окружающими секретом, как он этого добился».

Вслух, однако, пришлось почтительно заверить:

– Я постараюсь сделать выводы.

– А куда ты денешься...

Работать с ушастым было чертовски интересно и поучительно, но приятным этот процесс назвать не решились бы даже самые ярко выраженные подхалимы. Впрочем, таких в команде не держали.

– Итак! – Старший по званию, возрасту и положению вдруг сменил тон. Взялся было за одну из брошенных им на столик газет, но передумал. – Нет, об этом позже...

Покосившись на свой сейф, он решил обойтись без записей:

– Сколько вы уже с нами?

– Второй год.

– С декабря! – уточнил собеседник. – Довольны?

Переход на «вы» мог означать что угодно. Виноградов все никак не мог найти удобную позу, раздумывая, можно ли закинуть ногу на ногу. В конце концов он ограничился тем, что сдвинулся несколько назад, расположив руки вдоль подлокотников.

– Да. Меня устраивает то, чем я занимаюсь.

– В материальном плане?

– И в материальном плане тоже...

– Мы не занимаемся благотворительностью. Мы в первую очередь – коммерческая организация. Верно?

– Да... насколько мне известно. – Жизнь лишила многие из суждений Виноградова категоричности.

Ответ, судя по всему, ушастого устроил.

– Вы еще не забыли Полковника?

– Нет. Не забыл...

– Он очень плохо погиб! Вам об этом известно?

– Да. Не могу сказать, что очень опечален...

– Вы знаете, почему ему пришлось покинуть номер? Через окно... С четырнадцатого, если не ошибаюсь, этажа!

Владимир Александрович прокашлялся:

– Официально меня никто не уведомлял о причинах.

– Но вы догадываетесь? – Ушастый умел проявлять настойчивость. – Хотелось бы услышать ваше мнение.

– Я не объективен... У нас с покойником отношения как-то не заладились, вы же в курсе.

– И тем не менее? Удовлетворите любопытство старика, а?

Пришлось отвечать.

– Думаю, Полковник вышел из-под контроля. Он стал опасен для окружающих – и для «организации» в том числе... Как говаривала моя первая пионервожатая: поставил личное выше общественного. Кроме того, журналисты засветили бизнес, который он курировал.

Опять помолчали. Виноградов – напряженно просчитывая реакцию на свои слова, а собеседник – просто по привычке никуда не торопиться.

– Хорошо... Слушай внимательно, – ушастый опять вернулся к доверительной форме общения, – повторять не буду. Человек, которого ты знал как Полковника, когда-то работал с нами. Он был очень толковым офицером, еще при Брежневе принимал участие в специальных операциях, в основном на Ближнем Востоке. Турецким владел, по-арабски мог объясниться... Два ранения!

– Достойная биография...

– А мы троечников не держим, в конце концов получается себе дороже. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

– Расцениваю это как комплимент, – приложил руку к сердцу Владимир Александрович. – Признателен за высокую оценку.

– Ну и нахал! – хмыкнул собеседник. Возразить, впрочем, было нечего – факт сегодняшней беседы говорил сам за себя. – Поскромнее надо, понял? Из любого правила воз-

можны исключения... Так вот, про Полковника. Он просто-напросто заигрался. Когда создавалось «сафари»...

– Это была его идея?

– Да! Идея создать фирму, которая под крышей туристического агентства организовывала бы безнаказанную охоту на людей во всевозможных горячих точках, принадлежала Полковнику. Спрос был: благополучные европейцы и американцы, просматривая по телевизору хронику из Хорватии или Руанды, соображали, что под шумок боевых действий и массовых беспорядков там можно творить такое! За что на их сытой родине ближайший полицейский просто шлепнет без предупреждения. Мно-огие, многие хотели без риска попасть за решетку или на электрический стул, совершить нечто мерзкое... Например, выстрелить пленному в затылок или сжечь напалмом семейство беженцев. Или – просто изнасиловать монахиню да попытаться старосту деревни электрическим шоком... Был и другой потенциальный контингент – ветераны различных войн, больные люди, на всю жизнь поломавшие себе психику. Они уже просто не могли без крови! В какой-то степени идея Полковника казалась даже благородной: «сафари» избавляло цивилизованный мир от десятков и сотен потенциальных садистов и маньяков.

– За счет нецивилизованного мира?

– А на то он и нецивилизованный... Ведь там, в зонах малых войн, расовых чисток и межнациональных конфликтов все это и так происходит? Убивают, насилуют, жгут! И если нет возможности подобные безобразия прекратить, почему бы не делать на этом деньги? Кроме того, через Полковника планировалось решать и наши, сугубо профессиональные задачи.

– Корректировка ситуации... Точечные удары? – Убивать чужими руками было вполне в стиле спецслужб по обе стороны Атлантики. Впрочем, азиаты тоже не отставали.

– Не только! – Ушастый нравоучительно поднял палец. Сейчас он больше всего напоминал преподавателя Академии Генерального штаба. Где, кстати, и служил в свое время. – Не только... Вообрази себе благополучного бургера, сотрудника какого-нибудь важного министерства в одной из тихих европейских стран, который воспользовался услугами «сафари»... Согласимся – ему ведь крайне неприятно было бы увидеть опубликованными в газетах снимки с собственным портретом: сначала в тренировочном лагере, потом – целящегося в спину сербской старухе или позирующего рядом с виселицей, на которой только что казнили кастрированного подростка? И если кто-то попросит этого господина о невинной услуге информационного характера взамен на негативы... Вряд ли последует отказ.

Виноградов кивнул – шантаж как форма агентурно-разведывательной деятельности лично ему не нравился, но по эффективности мог сравниться только с вербовками на идейной основе:

– Первоначальный капитал был ваш?

– Разумеется! Тогда у Полковника не только ни копейки за душой не было... на нем и долги висели астрономические, заигрался со своими земляками-сепаратистами. Хорошо, что потом все на войну списали.

– Кавказ... Нефть?

– И это тоже. – Собеседник мотнул подбородком, отгоняя ненужные воспоминания. – Словом, решили, что идея плодотворная. Фактически мы же сами и обеспечили инфраструктуру, связи, базы тренировочные, каналы привлечения «клиентуры»...

– Это я уже застал! – не удержался от напоминания Виноградов. – Только считал, что Полковник действует сам по себе, от какой-то мафиозной группировки.

– Ну, к тому моменту, когда решили тебя использовать, он уже вышел из-под контроля. Оброс охраной, связями... И уверовал в собственную неуязвимость.

– Почему же вы его просто не ликвидировали?

– Тогда рухнуло бы то, что создавалось годами! А следовало устранить его так, чтобы как можно меньше страдала система. Нечто вроде удаления злокачественной опухоли: сначала нужно взять анализы, сделать рентген, обследовать...

– И тогда под руку подвернулся я? В качестве эдакого желудочного зонда!

– Радуйтесь, что мы не медики, – расплылся в улыбке собеседник. – А то у них теперь в основном инструменты одноразовые. Вы меня понимаете?

– Понимаю... – Собственно, то, что после использования Владимира Александровича не списали в утиль, не зависело от доброй воли руководства. Просто повезло. – Понимаю...

Майору милиции Виноградову действительно было что вспомнить. Полтора года назад, абсолютно случайно столкнувшись с неведомой силой, он и представить себе не мог, как круто и рискованно переплетется его собственная судьба с тайной деятельностью других.

Казалось бы, рядовой эпизод... Горы, служебная командировка в очередную автономию на юге – и перевал. Перестрелка, скоротечная и бестолковая, как все на войне.

Труп врага – в котором безошибочно опознан земляк, в прошлом офицер-десантник, а теперь новый русский по прозвищу Батя. Впрочем, труп почти сразу же куда-то исчез – а вернувшийся домой в отпуск Владимир Александрович с удивлением узнал, что подстреленный им покойник числится погибшим в автомобильной катастрофе на солнечном и далеком побережье Кипра... И завертелось: ушастый «представитель вдовы» с соблазнительными посулами, оплаченная якобы страховой фирмой поездка на теплое Средиземное море, похищение, лагерь, похожий одновременно на базу повстанцев и на тюрьму... Полковник и его люди со странными псевдонимами: Рэмбо, Кондор, Освальд... Потом опять были горы – и смерть вокруг, и вовремя появившийся русский спецназ, и пьяные слезы в простуженном грузовом самолете.

Так получилось, что вскоре майор Виноградов уже принимал дела. Официально – в новой должности заместителя редактора учрежденного главком «Криминального обозрения». И неофициально – восстанавливая потрепанное хозяйство шагнувшего в иной мир из окна отеля Полковника.

И если на поприще милицейской журналистики все складывалось в целом благополучно, то негласная карьера Владимира Александровича не походила на ведущий вверх эскалатор.

– Знаете, Виноградов... Я не устаю удивляться тому, что вы все еще живы! – развел как-то руками негласный куратор майора, тот самый, что сидел сейчас напротив.

– Очевидно, – констатировал без промедления Владимир Александрович, – я вам симпатичен. Вы, скорее всего, находите во мне то, чего лишали себя, будучи молодым капитаном...

– Тогда время другое было! Попробуй вякни...

– Так я же не осуждаю. Просто вы спросили, а я пытаюсь ответить – с точки зрения психоанализа. Наука такая...

– Сопляк! Я Фрейд в подлиннике читал, еще когда твоя мама в комсомол вступала.

Виноградов и не сомневался – то, что он знал о собеседнике, внушало уважение. Кроме панциря из боевых орденов на груди, ушастый имел за плечами несколько войн, кабинет на Старой площади и солидный тюремный стаж – в Англии, за шпионаж в пользу СССР, и у себя дома, за измену Родине в форме того же шпионажа...

– Кроме того, – попытался загладить неловкость Владимир Александрович, – у меня коэффициент полезного действия очень высокий. Больше, чем у паровоза!

– Больше чего? – переспросил тогда собеседник и с тех пор периодически интересовался у Виноградова его познаниями в области элементарной школьной физики.

Впрочем, обычно это происходило, когда шеф был доволен.

Сегодняшняя же обстановка к шуткам не располагала.

– Сынок... Помнишь, как ты пришел ко мне – наниматься? Сам ведь пришел!

– Помню. Спасибо, что не прогнали.

– Ты ведь тогда на все был готов? И на криминал...

Виноградов поморщился – опять двадцать пять!

– Шеф, криминальный путь – не всегда самый эффективный, тут даже роль особой роли не играет. Зачастую проще и дешевле дружить с законом...

– Это было чуть не первое, что я от тебя услышал. И в подобной позиции имелось рациональное зерно! Иначе та наша встреча стала бы последней.

– Но тем не менее вы заставили меня обеспечить пару... акций? – Владимир Александрович чувствовал необходимость в обострении разговора. Прищурился: – Политический террор на коммерческой основе!

– Нужно же было убедиться, что ты действительно способен заменить Полковника. К тому же деньги – не главное... Мы же не все заказы брались выполнять, верно? Только те, что соответствуют подлинным, государственным интересам! Всегда, испокон веков, спецслужбы использовали методы активного воздействия на противоборствующие силы. И не важно, кто финансирует подобную деятельность: правительство, у которого в данный исторический период некоторые бюджетные затруднения, или некие частные лица, проблемы которых объективно совпадают с нашими.

– Я справился? – Оба, разумеется, знали ответ.

– Да. Это оказалось неплохо для новичка.

– У блатных подобные мероприятия называются «повязать кровью». Приходилось слышать такое выражение?

– Станный вы народ, милиционеры... А милиционер с налетом интеллигентности – это вообще сплошное недоразумение! – Ушастый вздохнул и продолжил: – Тебе грех жаловаться. Мы пошли навстречу!

– Надеюсь, не жалеете...

Виноградову тогда просто повезло – объективная ситуация диктовала поиск новых форм и методов деятельности. В условиях, когда в мировую прессу тут и там начала просачиваться информация о деятельности «сафари», когда даже политический террор перестал приносить что-либо, кроме головной боли, и потенциальные клиенты уже не толпились с распахнутыми кошельками в приемных «туристического бюро для любителей острых ощущений»... Так вот, оказалось, что свежих идей нет.

Головастые аналитики виновато разводили руками, начальство бурчало и по инерции грозило посрывать с подчиненных погоны, лучшие кадры потихонечку расползались по миру.

И тогда появился майор Виноградов со своим предложением.

Суть его, в двух словах, сводилась к следующему. В настоящее время в России и ближнем зарубежье правоохранительными органами разыскивается несколько тысяч человек. Речь идет не о тех, кто пропал без вести и сейчас тихо гниет где-нибудь на солнечной полянке или в нелегальном «подзахоронении» заброшенного городского кладбища. Нет! Интерес представляли те, кто скрылся от правосудия, – убийцы, мошенники...

И даже не все. Ну кому нужен бедолага-алкоголик, зарезавший в Москве соседа и укативший по чужим документам к тетке в Луганск? Или квартирный вор, вычисленный доблестной криминальной милицией, задержанный, но выпущенный под подписку о невыезде – и, разумеется, подтеревшийся этой бумажкой в поезде Киев – Бишкек? Или наркоша, собравший с друзей и знакомых тыщонку-другую долларов без всякой возможности и желания вернуть долги?

Никому они не нужны, кроме следователей да оперов, которым, впрочем, тоже проще периодически совать очередную справку в розыскное дело, чем конвоировать неизвестно кого неизвестно откуда, допрашивать, направлять дело в суд... Словом –дохлый номер! Ничего, кроме «спасибо» сквозь зубы, от нашей правоохранительной системы не услышишь, даже если начнешь сдавать преступников в КПЗ штабелями и батальонами. Ну разве что нальет на радостях стакан дешевой водки кто-нибудь из особо мстительных родственников потерпевших.

Однако великий закон перехода количества в качество никто и никогда не отменял. Рынок есть рынок – и именно благодаря ему стало возможным делать бизнес на том, что даже по идее не должно приносить прибыль.

Эта мысль пришла в голову Владимиру Александровичу случайно. Просматривая свежую газетную полосу об очередном взрыве автомобиля, он зацепился взглядом за фразу о том, что вдова погибшего генерального директора крупной фирмы «Свежая волна» и коллеги покойного объявляют о создании специального фонда. Предполагалось выплачивать определенные премиальные – за сведения, которые можно использовать при поимке убийц. Весьма солидная сумма сулилась тому, кто доставит их в органы внутренних дел... Бросив все, он ринулся в библиотеку и к вечеру следующего дня уже имел на руках внушительную выборку.

Получалось, что только с начала года фирмы и частные лица несколько десятков раз объявляли о своей готовности материально стимулировать торжество правосудия. Банки, промышленные корпорации, газеты с миллионными тиражами, ассоциации обманутых вкладчиков и даже пострадавшие от беспредела преступные сообщества щедро и публично предлагали содержимое своих тугих кошельков каждому, кто поможет удовлетворить их законное чувство справедливости. Милиции при этом внимания уделяли мало...

Выписав в столбик заявленные суммы, Виноградов получил цифру, достойную уважения. Спрос имелся! Нельзя сказать, чтобы отсутствовало предложение, но на таком кустарно-любительском уровне, что принимать его в расчет не стоило. Другое дело – хозяйство, оставшееся от Полковника: агентурная сеть, разбросанная по планете, блестяще обученные кадры, контакты в силовых структурах и в организованной преступности, политические персоны влияния и собственные вооруженные формирования.

Цель оказывалась благородной, задачи – выполнимыми.

К тому же это сулило весьма недурную прибыль, несколько меньшую, чем от торговли наркотиками или контрабанды оружия, но...

Убедить руководство оказалось неожиданно легко.

– Вы о чем задумались? – Голос ушастого сочился дружелюбием. – Надеюсь, я не мешаю?

– Нет, что вы! Простите... – Расслабляться здесь, в бункере, было нельзя. Виноградов вполне допускал, что куда-нибудь в пол, среди всяческой электроники, вмонтирован крохотный приборчик, фиксирующий в двоичном коде каждую мысль посетителя. Не оскудела Россия талантами...

– Это хорошо. Хорошо, что тебе присуще чувство ответственности перед коллективом... Сколько ты попросил тогда на организационный период?

– В валюте? – удивился Владимир Александрович. С точки зрения финансовой дисциплины претензий к нему никогда не было. За каждый истраченный доллар бывший старший оперуполномоченный ОБХСС мог отчитаться – и по памяти, и с документами.

– Меня интересуют сроки! – досадливо отмахнулся ушастый. – Помните, при первой беседе...

– Я просил тогда девять месяцев. Прошло только семь.

Собеседник Виноградова впился в переносицу Владимира Александровича взглядом:

– Система работает?

– Ну, необходимо еще кое-что наладить... Довести до ума, так сказать! – Он все еще не мог сориентироваться, понять, что же нужно ушастому. – Потребуются некоторые вложения...

– Хорошо, я сформулирую вопрос по-другому. – После некоторой паузы голос ушастого зазвучал прежними начальственными нотками. – Готовы ли вы прямо сейчас в полном объеме выполнить задачу, которую перед доверенной вам структурой поставят?

– Я все равно не понял, чего вы от меня добиваетесь... – искренне пожалел Виноградов. И, дав время сидящему напротив человеку выбрать наконец линию поведения, продолжил: – Все-таки всего чуть больше полугода! Удалось не только материальную базу восстановить, но и лучшие кадры спасти... И кое-какие результаты имеются. Например, по этой дамочке, из-за которой сегодня банкир разорился, – наши люди ее отыскиали в Голландии, под чужим именем. Думаете – легко? Да еще нужно было обеспечить ее изъятие, доставку через всю Европу, передачу кому следует!

– Это уже второе... мероприятие?

– Третье, – обиделся Владимир Александрович. – Сначала мы по Украине сработали, там один благотворительный фонд очень жаждал найти своего бывшего исполнительного директора, точнее – не его даже, а номера счетов, куда черныбыльские деньги утекли... Ну постарались помочь! Потом того уroda, который – помните? – жену и детей директора Всероссийской промышленной палаты похитил... Он деньги пытался вымогать, а когда понял, что ничего не выходит, – задушил всех троих. Мы его долго вычисляли – даже с Интерполом пришлось контактировать, – а потом прямо под носом взяли: ментом оказался, офицером по специальной подготовке.

– Кажется, были проблемы с получением обещанных премий?

– Нет, только по первому делу. Хохлы попытались было хвостами крутить, но быстро одумались. Директор заплатил сразу же, без звука – он еще столько же отдаст, чтобы собственноручно за семью поквитаться. А по дамочке-мошеннице... думаю, проблем не возникнет.

– Вы уже окупили затраты?

– Нет, – без промедления отреагировал Виноградов. – По каждой конкретной акции рентабельность абсолютная, выше, чем у цеха по производству подпольной водки... Но вы прикиньте, какие были расходы вначале! Особенно с кадровым вопросом, сами понимаете почему. – Владимир Александрович вспомнил далекую забегаловку перед домом Освальда, душный тропический лес, кабинеты следственного изолятора. – Зато теперь опять имеем команду! Причем, позволю себе напомнить, еще до истечения вами же самими данного срока.

– Ладно... – Чувствовалось, что Виноградову удалось найти нужный тон, и собеседник доволен. – Ладно. Слушай меня внимательно.

Он придвинул к себе пепельницу, нервно щелкнул по донышку старческим ногтем и посмотрел Владимиру Александровичу прямо в глаза.

* * *

– Куда-а? Куда прешь? Ты чего – особо непонятливый? – Невеликого росточка сержант в образцово-показательном бронежилете покачал перед собственным носом стволом автомата. Получилось скорее смешно, чем страшно.

– Тихо, тихо, не ругайся... Свои! – Владимир Александрович аккуратно развернул красную книжечку. – Майор Виноградов.

– Понял... А эти? – Стоящие на полшага сзади виноградовские спутники явно на «своих» не тянули. У фотокорреспондента в левой мочке отсвечивала фальшивыми искрами серьга с галантерейным бриллиантом, а у дежурного репортера Васи, как назло, оказалась трехдневная щетина.

Владимир Александрович выматерился про себя, поклялся мысленно с завтрашнего же дня покончить со всяческим редакционным либерализмом и даже прикинул, как будет по утрам проводить строевой смотр для личного состава. А кому не нравится – пусть валят на все четыре стороны, газета, в конце концов, наполовину милицейская!

Вслух же пришлось ограничиться строгим:

– Федеральная аккредитация! Спецгруппа по экстренной подготовке эфира.

Обычно такие невразумительные фразы производили впечатление посильнее пропусков-«вездеходов», но на этот раз постовой оказался не робкого десятка.

– Не положено. Сейчас, подождите, старший подойдет.

– Да брось ты...

– Не положено! – Сержант категорически не желал оставаться в дураках. Поправив съехавшую набок каску, он загоразживал проход, как все триста спартанцев одновременно.

– Хорошо, как скажешь.

Наблюдавшие издали за этой сценкой многочисленные корреспонденты встретили неудачу собратьев по перу одобрительными аплодисментами.

– Эй, Виноградов! И тебя развернули?

– Топайте сюда, коллеги!

– Это возмутительно... Нарушают свободу печати, верно?

– Мы будем жаловаться генералу! Я его лично знаю.

Оставалось только скрипеть зубами и сулить своим спутникам близкие дисциплинарные взыскания.

– А я чего? Я не обязан! – вяло огрызнулся фотокорреспондент. Пахло от него вчерашним пивом.

– Я тебе покажу – «не обязан»! В твоём виде только репортажи из жизни педерастов делать... Тоже мне, акулы пера.

– Товарищ майор, – посочувствовал постовой, – вы-то можете пройти, пожалуйста! А эти – пусть обратно, за барьерчик вернутся. Начальство ругается...

– Поняли? – Все-таки погоны на плечах изредка давали определенные преимущества. Даже если ты в штатском...

Пространство перед Юго-Восточным рынком надвое рассекала желтая линия металлических секций. Вдоль образованного ими барьера выстроились хмурые мальчишки в милицейской форме – внешнее оцепление. Тут и там то и дело возникали офицеры: ротные и взводные командиры с прокуренными голосами и лицами деревенских педагогов. Виноградов знал: местная войсковая часть Министерства внутренних дел только недавно с потерями вернулась с Кавказа, и теперь ею затыкали все дыры на массовых мероприятиях. По одну, внешнюю сторону ограждения город жил своей обыденной, суматошной жизнью: с мельканием светофоров, потоками транспорта, яростными гудками и ревом двигателей. Неоновый кубик рекламы, вращаясь, выхватывал из наседающих сумерек то озабоченные лица спешащих в метро горожан, то случайных зевак на противоположном тротуаре. Впрочем, разглядеть оттуда все равно ничего не удавалось, поэтому даже самые любопытные пенсионеры вскоре отправлялись восвояси, рассчитывая узнать обо всем из вечернего выпуска новостей.

Только в одном месте, у единственного оставленного с этой стороны ограждения прохода, образовалось некое подобие постоянной аудитории: дюжины полторы журналистов, в основном – дежурные репортеры или молодежь из отделов городской хроники. С появле-

нием Виноградова и его коллег по «Криминальному обозрению» количество страждущих попасть внутрь, естественно, увеличилось.

Внутри не пускали... Зубры прессы из начинающих грязно ругали ментов, кто постарше – покуривал в ожидании неминуемого, а девица с блокнотиком нервно пыталась кокетничать. Плечистый стажер из Эн-би-си улыбался окружающим – искренне, но несколько недоуменно: вчера у него из машины украли телекамеру и кроссовки.

– Давно началось?

– Почти час уже! Я к выпуску не успею.

– Выходил тут какой-то... Обещал разобраться.

– Жди, как же! Найдешь, бля, крайнего.

Отсеченная от остального пространства часть площади перед рынком казалась вымершей. Широкая полоса асфальта за спинами милиционеров была сплошь покрыта беспорядочно разбросанными обломками каких-то ящиков, коробок и алюминиевых конструкций. Уткнувшись капотом в один из ларьков, раскорячилась бежевая «девятка» – с помятым боком и осыпавшимися внутрь остатками стекол. Номера на машине угадывались дагестанские.

Дальше, до самого входа в здание торгового павильона, обзор закрывали шеренги стандартных киосков. Даже по стыдливо повернутым к зрителю тыльным сторонам этих коммерческих точек можно было сделать вывод, что самое интересное, увы, позади: кое-где сорванные с петель двери давали возможность полюбоваться результатами штурма.

– Черт побери, сколько же можно ждать!

– Ну я им сделаю сюжетик...

– Вон, кажется, идет, нет?

Но это опять оказался не представитель пресс-службы. Видимо, капитан-участковый с огромной стопкой протоколов под мышкой просто заблудился – и, увидев направленные на него объективы фото- и кинокамер, поспешил юркнуть обратно, в спасительные лабиринты ларьков. Почти вслед за ним из ворот павильона медленно выкатилась зарешеченная машина ОМОНа.

– Чего вызывал? Что случилось? – Рядом с постовым неизвестно откуда возник обветренный и злой офицер.

– Вот, товарищ командир... – кивнул в сторону Виноградова автоматчик. Владимир Александрович представился. Старший лейтенант, не торопясь, изучил его удостоверение.

– Какая проблема?

– Надо пройти внутрь. Работать.

– Проходите! – пожал плечами офицер.

– Нас трое, – вздохнул Виноградов, демонстрируя своих спутников. Собственно, одному ему внутри делать было нечего.

– Эти тоже... с вами?

– Увы! – Владимир Александрович протянул редакционные документы своих спутников. Вкладыш за подписью начальника ГУВД особого впечатления не произвел, но старший лейтенант решил не искать лишних приключений:

– Проходите! Только смотрите там...

– За этим и идем! – не удержался от демонстрации собственного остроумия фотограф.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил успевший перелезть через барьерчик третий сотрудник Виноградова. Его растрепанная шевелюра победно устремилась в глубь запретной территории.

– Эй, а мы как же?

– Бросаете!

– Это не по-товарищески, Виноградов...

Владимир Александрович обернулся на возмущенный гомон журналистской братии:

– Извините, ребята! Служба. Но я пришла за вами... кого-нибудь. Из пресс-службы. Если встречу.

– Во, глянь-ка! – Поравнявшийся с останками автомашины фотокор уже щелкал первые кадры. – Кровь...

Действительно, приборная панель и чехлы матово отсвечивали не успевшими подсохнуть пятнами. В левой стойке чернело пулевое отверстие.

– Не задерживайся, – потянул коллегу за рукав волосатый напарник. – Там еще будет что наснимать, пока не прибрали!

– И от меня не отставайте, – на ходу добавил Виноградов, – а то не ровен час... Потом вытаскивай вас из клетки! Хорошо, если пленку не засветят.

...Самое удивительное, что подготовку операции по зачистке Юго-Восточного рынка удалось сохранить в тайне. Даже первые лица задействованных подразделений – ОМОНа, «голубой дивизии» МВД и отдельного спецбатальона ГАИ – до последней минуты не были в курсе предстоящих задач: подразумевалось, что личный состав вывезут на Карельский перешеек для плановых тактических учений. И людей действительно отправили за город – утром, колоннами мощных грузовиков, с сиренами и проблесками световых сигналов.

А потом вернули с половины дороги. Покормили обедом – и назад, в соответствии со вскрытым в назначенный час казенным конвертом. Группами по три-четыре машины, не привлекая внимания. Под присмотром кураторов из РУОПа.

Это и само по себе впечатляло. Как правило, инициатором массовых «профилактических мероприятий в местах концентрации преступных элементов», или, в просторечии, облав, выступало Управление охраны общественного порядка. Готовиться начинали за неделю, согласовывали планы и ведомости, утверждали ответственных лиц... Естественно, о дате, времени и месте предстоящего «внезапного» удара своевременно узнавали все, кого это касалось, – от участкового милиционера до уборщицы в общественном туалете.

На этот раз готовило операцию Региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Что говорить о местных, полупродажных оперативниках и постовых, если даже пресс-служба главка использовалась втемную? Получалось, что сам первый заместитель генерала добросовестно выполнял отведенную ему без спросу роль. Отвечая на многочисленные звонки из различных инстанций, он клятвенно заверял собеседников, что речь не идет о попытке военного переворота, просто готовится очередная отправка в Чечню, вот и... Звучало вполне правдоподобно.

Удар нанесли незадолго до сумерек. Первыми шли «захватчики» из Специального отряда быстрого реагирования. Обезоружив охрану у входов на рыночную площадь, автоматчики в масках прорвались в торговый павильон. Опережая волну истерических воплей и паники, заняли контрольные точки. В следующее мгновение ожила трансляция, поддержанная динамиками подкативших к воротам машин:

– Внимание! Работает РУОП. Повторяю... Работает РУОП!

И после этого:

– Граждане! Проводится милицейская профилактическая операция. Просьба соблюдать спокойствие, четко и быстро выполнять указания и требования сотрудников органов внутренних дел.

Голос у микрофона сделал паузу, но тишины она не принесла.

– Стоять, с-сука!

– Лежать, я сказал!

– Триста пятый, быстро сюда!

– А-а-а! Ох-х-х...

– Ой, мамочки-и... Уби-или-и!

Тут и там, в лабиринте ларьков и катакомбах подсобных помещений, вспыхивали перестрелки. Перекрывая мешанину команд и стонов, они заставляли посетителей беспрекословно вжиматься в заплыванный асфальт... Шальная пуля осыпала главный витраж под потолком. Впрочем, это вряд ли уместно было назвать боем: пара выстрелов и одна-две автоматные очереди.

Опять ожили динамики:

– Граждане! Соблюдайте спокойствие. Оказывайте содействие сотрудникам милиции в выявлении и задержании лиц, совершающих, а также пытающихся совершить противоправные действия...

Со стороны могло показаться, что широкие массы трудящихся с энтузиазмом откликнулись на призыв. Повсеместно пропойного вида работяги крутили руки растерянным наркоманам, некто в бейсбольной шапочке защелкнул металлические браслеты на запястье обезоруженного кавказца... Домохозяйка лет тридцати демонстрировала подоспевшему наряду мешочек гранат под прилавком – владелец взрывоопасного товара тихо постанывал рядом, баюкая сломанное ребро.

В действительности мирные граждане в этот момент думали только о том, чтобы не угодить под случайный выстрел или сапог рассерженного спецназовца. И кляли судьбу, затащившую их именно сейчас именно сюда... Активность народных масс воплощалась в жизнь многочисленными оперработниками, просочившимися в стан «противника» несколько ранее. Под видом случайных покупателей, мелких продавцов, просто зевак офицеры в штатском теперь корректировали действия групп захвата, что называется, изнутри.

– В машину, падла! Пошел...

– А ты чего тут башкой вертишь? Н-на!

– Ой, мальчишки, миленькие...

– Эксперта сюда, быстро! Смотри, чего нашел.

– Собачку вызовите по рации, а то травка подозрительная какая-то... Табак, говоришь?

Проверим.

Кто-то пытался прорваться через пустырь к проспекту – но территорию намертво стискивали сужающимся кольцом сводные роты Отряда милиции особого назначения. Дальние подступы торопливо блокировала войсковая часть – мальчишки из «голубой дивизии» уже выгрузили металлические секции и теперь монтировали из них традиционный барьер. Часть экипажей ГАИ хозяйничала на прилегающих улицах, остальные разбирались с брошенными на площади автомобилями.

Для полноты картины не хватало только вертолета – но и он вскоре появился в быстро темнеющем небе. И только после этого начали подтягиваться к месту событий газетчики и «горячие» радио- и телевизионные бригады...

– Опоздали, – уныло констатировал один из виноградовских спутников. – Снимать толком нечего.

– Да уж конечно! – Владимир Александрович злился на судьбу, на организаторов мероприятия и на собственную нерасторопность. К искренней своей досаде и удивлению, он не застал уже никого из знакомых – так, пару раз поздоровался с проходившими мимо омоновцами да кивнул рассеянному эксперту.

Нужные люди отсутствовали.

Вообще, рынок стремительно пустел. Личный состав специальных подразделений, сбиваясь в некоторое подобие строя, отправлялся к заждавшимся ЗИЛам и уазикам. Шли шумно, довольные – хрустя трофейными яблоками и капая сочной хурмой на ботинки... Задержанных распихали по машинам, и опера торопились отписаться по многочисленным вещественным доказательствам. Рыночная обслуга, те, кого по недоразумению или с определенной целью не вывезли в следственные кабинеты, – так вот, рыночная

обслуга застенчиво жалась вдоль стенок, покуривая в рукав и вздрагивая при каждом внезапном звуке.

Словом, специфика «Криминального обозрения» предоставила Виноградову и его команде определенные преимущества перед коллегами из других средств массовой информации, но воспользоваться форой в пространстве и времени им не довелось.

– Ты хоть сработал что-то?

– Да строк на тридцать... Мало! – Патлатый репортер продемонстрировал Владимиру Александровичу исписанный листок блокнота.

– Остальное наврешь, – ухмыльнулся фотограф. – А мне что делать? Нету картинок... Нету!

Одной из сильных сторон газеты считались уникальные, недоступные другим изданиям снимки с «милицейской натуры». И Виноградов понимал профессиональное недовольство коллеги.

– Ну-ка... пошли туда, быстро!

Неподалеку, в служебном крыле павильона, открылась фанерная дверца. Под аккомпанемент старческих причитаний в торговый зал спустилась процессия: двое санитаров с носилками, врач и сержант в мятом кителе. На носилках, задрав к потолку грушеобразный нос, громоздилась опрятно одетая бабушка – лет восьмидесяти, не меньше. Весу в ней было под центнер, а голос чуть-чуть отдавал хрипотцой.

Оказавшись перед широкой аудиторией, бабка прибавила громкости:

– Ой, чего натворили, изверги! Замучили пенсионерку! Ой, нет больше моей моченьки – помираю... Ох, мамочка родненькая, пресвятые угодники!

– Да уж, нашли с кем воевать, – покачал головой оказавшийся рядом с Виноградовым шофер «скорой помощи». – Под горячую руку!

– Бывает... – пожал плечами Владимир Александрович. Что-то в этой сцене ему не нравилось. Не убеждало. – Может, просто перенервничала!

– Случайные жертвы – они самые страшные, – поддержал дискуссию о ментовском беспределе виноградовский фотограф. – Помню, в Первомайском...

– Ошибаетесь, молодой человек! Никакая она не случайная. – Прокуренный мужчина с лицом районного сыскаря вслед за процессией поравнялся с беседующими. – Здорово, Саныч!

– Привет, Паша. – Наконец появился хоть кто-то по-настоящему знакомый. Виноградов не помнил фамилии этого человека, но года четыре назад их свела судьба в Минеральных Водах. Вместе пили, вместе трясли коменданта на билетную бронь домой... – Ты где теперь?

– В УНОНе. У Голубчина.

– Где-где? – переспросил подоспевший с раскрытым блокнотом напарник Владимира Александровича.

– В Управлении. По контролю. За незаконным.оборотом наркотиков, – отчеканил мужчина. Потом, оглядев шевелюру одного и серьгу другого собеседника, вновь повернулся к Виноградову: – Эти с тобой?

– Да. – Очень хотелось ответить отрицательно, но чувство долга возобладало. – Из «Криминального обозрения»!

– Ясно... Никакая она не жертва. И не случайная. – Это вновь адресовывалось фотографу.

– Цветочками, что ли, спекулировала?

– Читай! Если грамотный... – Оперативник протянул протокол изъятия. – Ладно, сам прочту, чтоб быстрее... Вот: «...шприцы одноразовые – восемь штук, раствор спиртовой – два полных флакона стандартной емкостью по пятьдесят миллилитров каждый, димед-

рол – три упаковки, одна из которых нарушена, отсутствуют две таблетки... вата медицинская белая, сухое горючее – семь таблеток». Понял?

– Нет! – честно признался журналист. Тем не менее он с некоторой опаской покосился на выход из павильона, за которым только что скрылись санитары с носилками.

– Ну и дурак, – констатировал собеседник, пряча протокол обратно в папку. – Потому и пишете вечно всякую хер... чепуху!

– Я не пишу. Я снимки делаю, между прочим, – обиделся обладатель серьги. Несмотря на пикантную внешность, он успел после университета побывать в армии и получить премию МВД за «кавказские» фотографии.

– Как ты с ними служишь, Санеч... Все, пока! Ладно, не обижайтесь, ребята. Слушайтесь Виноградова, он объяснит, что к чему. – И прокуренный оперативник, запаливая на ходу очередную папиросу, помчался вслед за опекаемой процессией.

– Итак, сэр? Растолкуйте неразумным.

– Да уж, хотелось бы...

Они опять стояли втроем, посреди практически пустого торгового зала. Прислуга смелела – повсюду слышались ленивые поначалу звуки необходимой уборки.

– Это не бабушка была. Это было просто бюро добрых услуг! Что-то вроде самоходного магазина «Тысяча мелочей». Только для наркоманов. – Виноградов хмыкнул. – Представь... «Баян» нужен, то есть шприц, – пожалуйста! Есть деньги – купи, сэкономишь – можно напрокат попользоваться, хоть он и одноразовый. Для гигиены – ватка на протирку, даже растворчик имеется. Димедрольчик – это для...

– Я знаю! Читал в какой-то газете.

– Вот, теперь сам имеешь удовольствие лицезреть.

– И что теперь ей будет? Это же получается соучастие в распространении наркотиков! – Патлатый репортер оторвался от своих записей и почесал переносицу. Он учился на юридическом факультете, и это несколько искажало все представления о реальности.

– Да брось... Ничего ей не будет. Объяснит, что слаба здоровьем, держит с собой аптечку для личных нужд. Отпустят, да еще Пашке извиняться придется! – Виноградов некультурно сплюнул под ноги и продолжил: – Тем более – закосит сейчас под сердечный приступ, так ее и опрашивать не станут. Кому нужно, чтобы она в кабинете копыта откинула? Потом устанешь отписываться.

– И ничего не сделать?

– Ничего! Если по закону... Пойдемте-ка на улицу, все равно здесь ловить больше нечего.

Они вновь оказались на площади. Накапывал дождик. Фонари еще не зажигали – поэтому казалось, что в город пришла ночь.

– Вообще, пенсионерки эти – интересный народ! – Виноградов любил вспоминать эпизоды из собственной сыщицкой практики. – Взяли тут на квартире мужика, из крутых – классический новый русский, дверь только динамитом снесли... Дома – только он да прислуга, которая мыла-стирала. Тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, как сейчас помню! Начали шмонать – находим под подушкой ствол, боевой, с патронами. Гляжу, клиент закис – все-таки двести восемнадцатая в чистом виде, не отвертеться. Откуда – спрашиваю? Он уже начинает что-то лепетать, а тут, как назло, – бабка: мой, говорит, пистолет! Прямо мать партизана с известного живописного полотна. Купила, говорит. Вчера, на всякий случай – вдруг в цене вырастет... тогда и продам, говорит, подороже. А с собой его, идя в хозяйской квартире прибираться, прихватила, потому что дома зять-пьяница, еще подстрелит кого сдуру. Я бабку и так и сяк – ни в какую! Стоит на своем. И мужик сообразил, возмущается: ай-яй-яй, Марфа Капитоновна, как же вы меня чуть не подвели... Принесли с собой пистолетик и не сказали даже...

– Она что – дура? Это же статья уголовная! Тюрьмой пахнет.

– Какой тюрьмой, ты что? Это нас с тобой за патрон от макарова на срок законопатят, а ее? В семьдесят восемь лет! Даже дело возбуждать не станут, откажут в дознании. В худшем случае передадут на поруки коллектива. В жилконтору, по месту жительства... Зато хозяин добра не забудет. И денег даст маленько побольше, чем пенсия, и вообще... В обиде не оставит! Потому что ему-то как раз без ее показаний сидеть бы по полной программе.

– Эх, слов нет – одни буквы...

– Какие лю-юди! Давно не виделись. – Из-за угла павильона навстречу виноградовской команде вынесло целеустремленную толпу журналистов. Их наконец пропустили на заповедную территорию, и теперь корреспонденты жадно обшаривали окружающее пространство в поисках сенсаций. – Как там на воле?

– Сочтемся... – прошипел маститый обозреватель из «Невских берегов», не снижая темпа. Остальные пишущие и снимающие, а также рассказывающие и показывающие только молча испепеляли Владимира Александровича и его спутников взглядами. Каждый считал себя лично обиженным.

– Побьют! Ей-богу, побьют когда-нибудь. – Виноградов прихватил за рукав плаща парня из пресс-службы главка: – Слушай, куда это они?

– Через двадцать минут пресс-конференция. Прямо здесь, сейчас генерал прибудет. Уже соборовцев с полдороги вернули, – охотно пояснил румяный капитан. Ему до смерти надоело оправдываться перед злыми и нервными корреспондентами – пусть теперь удар на себя принимает начальство. – Закурить нету?

– Держи! – Фотограф протянул пачку. – И в запас отложи...

– Ты же вроде не баловался раньше? – наморщил лоб Виноградов, когда вслед за подопечной братией офицер скрылся за воротами павильона.

– А я и сейчас не курю! – сверкнул серьгой лауреат милицейской премии. – Просто специально для подобных случаев, неприкосновенный запас.

– Учитесь, мой юный волосатый друг! – повернулся Владимир Александрович к Василию. – Вот что значит школа горячих точек... Однако здесь несколько сыровато. Не пойти ли нам под крышу? Послушаем, что хотят поведать суровые дяди в золотых погонах...

Кабинет директора акционерного общества «Юго-Восточный рынок» оформлен был в соответствии с европейскими стандартами: легкая мебель, светлые панели из Швеции, жалюзи и несколько авторских литографий Шемякина. Вместе с тем помещение казалось по-азиатски огромным: вдоль бесконечного полированного стола запросто разместились почти все представители прессы. Те, кто подтянулся попозже, рассаживались у стен, и свободных стульев еще хватало.

Истомившиеся журналисты шелестели записными книжками, в очередной раз поправляли проводочки микрофонов и с брезгливой надеждой рассматривали отсутствующую физиономию румяного представителя пресс-службы. По углам расползлись операторы с чемоданообразными телекамерами.

– Скоро там? Свинство какое-то...

– Сколько ждать еще можно!

Настроение приглашенных приближалось к точке кипения.

В следующую секунду отворилась дверь, и на пороге возник улыбающийся начальник главка. Его плотно сбита фигура и генеральские погоны традиционно внушали гражданам твердую уверенность в завтрашнем дне.

– Здравствуйте! Простите за некоторую задержку.

Народ у нас отходчивый, поэтому журналисты отреагировали достаточно дружелюбно.

Вслед за генералом во главу стола прошел загорелый не по сезону господин в клетчатом пиджаке. Он уже второй год возглавлял Региональное управление по борьбе с организованной преступностью и нечасто общался со средствами массовой информации. Третьим был напрягшийся от обилия чужих глаз полковник – заместитель командира милицейского спецназа.

Румяный капитан расставил перед прибывшими заранее приготовленные таблички: только фамилия, имя, отчество.

– Начнем... – Голос у начальника Главного управления внутренних дел оказался под стать внешности. – Сегодня, в соответствии с совместным планом ГУВД и Регионального управления по борьбе с оргпреступностью, органами внутренних дел проведена комплексная профилактическая операция под условным наименованием «Пирамида»... Основной целью мероприятия являлось выявление и пресечение преступной деятельности лиц, осуществляющих транспортировку и сбыт в нашем городе наркотических веществ, фальсифицированных спиртных напитков и даже оружия. Не секрет, что Юго-Восточный рынок давно уже стал притчей во языцех – о неблагоприятной криминогенной обстановке, сложившейся здесь, не раз сообщали газеты, даже центральная пресса... Доставалось нам по этому вопросу и от телевидения! – Генерал по-доброму кивнул очаровательной ведущей «Информ-ТВ», показывая, что больше не сердится и все прощает. Продолжил: – Поверьте, мы не хуже вас знали, что этот рынок фактически превратился в некую бандитскую империю, со своими законами, авторитетами и даже достаточно жестким режимом охраны границ. И нельзя сказать, что не принимались меры! Однако в силу ряда причин эффективность милицейских проверок до сегодняшнего дня оказывалась практически ничтожной...

Заметив поднятую руку корреспондента «Невских берегов», начальник ГУВД отрицательно покачал головой:

– Нет, давайте все вопросы... потом. Закончу – пожалуйста, терзайте! Итак... Для проведения операции был сформирован сводный отряд из элитных, наиболее подготовленных подразделений главка и РУОПа. Конкретные данные по задействованному личному составу можно будет найти в пресс-релизе.

Он положил перед собой рабочий вариант официального сообщения и зачитал:

– «Сотрудниками милиции задержано триста семьдесят шесть человек, в том числе по подозрению в совершении преступления – пятьдесят восемь, за административные правонарушения – двести три. Выявлено более сорока лиц, находящихся в розыске, как в федеральном, так и в региональном... Возбуждено более шестидесяти уголовных дел – цифры сейчас уточняются. Изъято порядка восьмисот граммов наркотических веществ как растительного, так и синтетического происхождения, в том числе зарубежного производства. Огнестрельного оружия – сто четыре единицы, включая партию автоматов Калашникова». Эта партия находилась прямо в складской смазке, преступники даже не удосужились перегрузить ее из стандартных армейских ящиков... Тут еще указаны боеприпасы, холодное оружие – впечатляет, поверьте! Между прочим, даже три авиабомбы хранились в рефрижераторной секции, среди туш и консервных банок. Можно себе представить последствия случайного взрыва. Далее... «Изъято денег и ценностей на сумму не менее трех миллиардов рублей». Согласитесь, впечатляет! «Обнаружено одних только числящихся в угоне автомобилей иностранных марок – двенадцать, еще у семи транспортных средств имеются разного рода расхождения с данными, указанными в документах...»

Начальник ГУВД отодвинул бумагу.

– Это успех. Безусловно! Но достался он достаточно дорогой ценой. При проведении операции, благодаря отличной организации и высокой выучке сотрудников милиции, удалось избежать безвозвратных потерь. Никто не погиб... Однако получили ранения трое сотрудников Специального отряда быстрого реагирования и один боец ОМОНа. Еще один-

надцать человек, офицеров и сержантов, получили травмы различной тяжести, но не требующие госпитализации. Очень прошу вас при освещении результатов мероприятия не обойти вниманием и этот факт. Спасибо! Передаю слово начальнику Регионального управления по борьбе с организованной преступностью. Прошу вас, Андрей Михайлович...

– Добрый вечер! – Загорелый сосед генерала откашлялся и поправил узел галстука. – Собственно, добавить практически нечего... Разработка велась достаточно давно, к Юго-Восточному рынку, по нашим данным, имело притяжение сразу несколько устойчивых преступных групп с международными и межрегиональными связями. К слову, западные коллеги полагают, что в течение последних двух-трех лет здесь оформился третий в мире по объему пункт незаконного оборота наркотических веществ. Наши оценки несколько осторожнее, но тоже... Спасибо сотрудникам подразделений Главного управления внутренних дел – без их помощи мы никогда не смогли бы реализовать накопившуюся агентурно-оперативную информацию. Это пример успешного взаимодействия наших структур, надеюсь – не последний. Благодарю за внимание...

Микрофон переместился к представителю СОБРа. Тот оказался еще лаконичнее:

– Гх-км... Ну, это самое... Сработали как надо! Мужики молодцы, что могли... А за раненых – отомстим, они попомнят. И надо, вообще, чаще черножо... то есть лиц кавказской национальности, это самое, приучать к порядку. А то совсем уже! Как у себя дома... Чего еще? Все, в общем-то.

– Итак, прошу... Можете теперь задавать вопросы! – Обязательная программа закончилась, пресса готовилась перейти к произвольным упражнениям. Элемент импровизации таил в себе некоторое неудобство, но чиновники, в погонах и без, давно научились относиться к этому как к неизбежному злу. – Порядок обычный, постараемся друг друга не перебивать. Договорились?

Виноградову почему-то представилась носатая старуха на носилках. Что-то тогда показалось ему неестественным, плохо сыгранным в бабкиных воплях и причитаниях – и теперь то же чувство судорожной театральности вызывал вид расположившейся плечом к плечу троицы за столом. Во всем угадывался некоторый перебор: и в простецкой улыбчивости генерала, и в задумчивых фразах начальника грозного РУОПа... Даже спецназовец вел себя чуть-чуть более косноязычно, чем надо, – так, чтобы максимально соответствовать заданному образу.

– Леонид Берман, «Эхо Балтики». Почему при проведении операции не привлекались сотрудники местного, территориального отделения милиции и районного управления внутренних дел? Более того, их даже не поставили в известность...

– Это делалось в интересах предотвращения возможной утечки информации.

– Значит ли это, что милиция коррумпирована? И что предыдущие попытки покончить с таким очагом преступности, как Юго-Восточный рынок, заканчивались неудачно именно из-за предательства ваших подчиненных?

– Вы забыли представиться.

– «Телеслужба информации», Виктор Короленко...

– Скажите, а кто сегодня участвовал в штурме рынка? Не милиция? Сотни офицеров и сержантов, рискуя жизнью и здоровьем, выполнили служебный долг... Многие пострадали, как уже говорилось! Ранены, травмированы... И поминать кстати и некстати о якобы повальной продажности органов внутренних дел – по меньшей мере непорядочно. Да, и среди нас встречаются оборотни! И вот, чтобы избежать даже одной-единственной возможности попадания к такому оборотню значимой информации, мы и приняли меры предосторожности.

– Иванов, «Невские берега». Вопрос к начальнику Регионального управления по борьбе с оргпреступностью. Правда ли, что уже сегодня вашими сотрудниками арестован

ряд руководителей РУВД и рядовых милиционеров, связанных с преступными группировками, орудовавшими на рынке и прилегающей территории?

– Послушайте, что вы все об одном и том же! – Загорелый господин передвинул к себе микрофон. Его раздражение удивило не только Виноградова – обычно РУОП с удовольствием расписывает свои победы над продажными ментами. – Пока рано говорить о каких-то конкретных результатах, по каждому факту проводится тщательная проверка...

С видимым облегчением генерал вернул себе инициативу:

– Еще вопросы? Пожалуйста! – Владимир Александрович успел углядеть крохотный огонек торжествующего злорадства, полыхнувший в глазах начальника главка.

Загорелый, напротив, необратимо мрачнел.

– «Новая русская пресса», Екатерина Лукина. Вопрос к сотруднику Специального отряда быстрого реагирования. Правда ли, что почти все понесенные потери произошли из-за несогласованности участвовавших в операции сил? Якобы первые двое раненых собровцев были, как обычно, в черных масках, без знаков различия – и стреляли в них осуществлявшие патрулирование рынка милиционеры патрульно-постовой службы, которых никто не удосужился предупредить?

– Откуда у вас эта информация?! – рявкнул генерал.

– Я хотела бы услышать ответ...

Подполковник-спецназовец взялся было в нерешительности за микрофон, но передумал:

– Ну, это самое...

На помощь пришел начальник РУОПа:

– Нельзя так сразу, девушка! Проводится проверка, служебная, потом, если потребуются, подключим прокуратуру... А пока еще ничего абсолютно не ясно. Незачем плодить сенсации, которые на поверку окажутся дутыми... Следующий вопрос, пожалуйста!

– Опять «Телеслужба информации», если коллеги не возражают. Есть ли данные о том, сколько задержано жителей южных регионов страны – чеченцев, азербайджанцев... и прочих? Не секрет, что Юго-Восточный рынок имел в городе репутацию черного.

– Ну, во-первых, мы не позволяем себе подобных эпитетов, – генерал на подобные провокации давно не ловился, – ведь это пахнет разжиганием... Органы внутренних дел не ведут учета преступности по национальному признаку! Однако позволю себе заметить, что среди задержанных велик процент тех, кто нарушает установленные правила регистрации и паспортного режима. В большинстве своем это именно та категория граждан, которая вас интересует.

– «Радио-сити», Максим Полуниин. Сколько народу пострадало при захвате рынка? Я имею в виду случайных посетителей, ведь не одни же преступники там в тот момент находились.

– Мы старались действовать по возможности корректно, принимая все меры к обеспечению безопасности граждан! – достаточно нервно отреагировал начальник главка. – Во всяком случае, жалоб и заявлений на противоправные действия бойцов специальных подразделений и Отряда милиции особого назначения не поступало.

– По каждому факту станем разбираться индивидуально, – не совсем в унисон с соседом продолжил загорелый господин, – потому что неизвестно, случайный это посетитель или активный участник преступной группы... Кроме того, некоторые используют факт своей госпитализации и не ясно каким образом полученных травм для того, чтобы избежать ответственности.

Великан-спецназовец одобрительно хрюкнул...

– Ты куда сейчас, Саныч? – поинтересовался фоторепортер, выруливая от стоянки. Чаще всего редакционной машиной пользовался сам Виноградов, но сегодня ребятам предстояло еще готовить материал к сдаче в номер. А он мог отправляться домой.

– Водки выпью. А то как-то муторно.

– Хоро-ошее дело...

Мимо пронесся микроавтобус телевизионщиков – у них времени вообще оставалось в обрез, придется выпихивать в эфир нечто сырое и невразумительное.

– И погода – дерьмо! – То, что пресс-конференция была под стать погоде, даже не требовало обсуждения. Все трое знали друг друга не первый месяц и умели делать криминальные репортажи даже из метеорологической сводки.

– Дурят нашего брата... Только я пока не понял на какую тему, – тряхнул намокшей по пути от рынка шевелюрой Василий.

– Ладно, сляпайте пока, что сможете. – Владимиру Александровичу требовалось время, чтобы навести справки. – А завтра прокатимся по «Скорой помощи» и больницам, пошепчемся... Из милицейских кое с кем потолкуем, куда задержанных доставляли, потом придется старыми связями потрясти, подергать ребятшек из СОБРа. Короче, разберемся! Время есть.

Но в этот миг ожил пристегнутый к ремешку пейджер. Кто-то настойчиво домогался майора Виноградова.

– Ох, не было печали... – Прочитав выползающую на дисплей условную фразу, он понял, что дома окажется не скоро. – Ребята, бросьте меня у метро, там – за поворотом!

– До завтра, Саныч! Может, довезти?

– Нет, мне близко. Завтра поговорим.

Но ни на следующий день, ни потом побеседовать им не пришлось. В трех кварталах от Большого дома старенький редакционный жигуленок с лета врезался в замерший на перекрестке панелевоз.

Оба – и пассажир, и водитель – скончались в больнице. Говорят, подвела мокрая мостовая – столкновения можно было бы избежать, сиди за рулем кто-нибудь поопытнее...

Впрочем, в день похорон Владимир Александрович еще был в городе. После кладбища даже успел на поминки – правда, не до конца, потому что пора было ехать в аэропорт.

Глава вторая Нью-Йорк Сити

Если мы идем к цивилизованному миру, то когда-нибудь придем и к западной практике, при которой крупные и мелкие предприниматели предпочитают сотрудничать с полицией, а не с криминальными структурами. Это произойдет и у нас – в будущем. А пока мы существуем в мире диком...

Л. Константинов

– Вот, собственно, мы и на Бродвее...

Готовый к очередному шквалу впечатлений, Владимир Александрович усиленно завертел головой – и тут же столкнулся со встречным прохожим. Пришлось торопливо, но вежливо извиняться.

– Слушай, я все никак понять не могу – когда надо говорить «экскьюз ми», а когда «сорри»... – потирая ушибленное плечо, догнал Виноградов спутника. – Нам что-то в школе пытались втолковать, но не очень внятно.

– Элементарно, товарищ майор! – ухмыльнулся тот. – Если ты уже сделал гадость, скажи «ай эм сорри», а когда еще только готовишься – наоборот. Например, в сабвее протискаешься к выходу – что будешь кричать?

– Экскьюз ми?

– Правильно! А вот если все-таки кому-то ногу отдал, то сообщи, что очень сожалеешь...

– Спасибо, теперь, кажется, запомню. – Очередной урок практического языкознания подошел к концу. Можно было заняться осмотром достопримечательностей.

Неизвестно почему – то ли из-за того, что вышли они на самую знаменитую улицу Нью-Йорка не в самом выигрышном месте, то ли из-за дождя, – но какого-то особенного трепета Бродвей у Владимира Александровича не вызвал.

Небоскребы, конечно... магазины... Но Пятая, например, по которой прошлым вечером прокатил его Рэмбо, выглядела куда шикарнее. Да и Мэдисон-авеню – тоже! Только значительно позже, навсегда покидая Америку, начал он понимать бестолковую прелесть вечерней толпы у театров, нескончаемого потока плывущих, как рыбы на нерест, машин, и даже уличные приставалы казались всего-навсего персонажами очередного веселого мюзикла. Долго потом, закрыв глаза, мог Виноградов мгновенно представить: веселое мельтешение желтых такси, неповоротливые бока «кадиллаков», тысячи тысяч опутавших ветви холеных деревьев электрических огоньков. И лица... Люди, множество разного возраста и цвета кожи людей, объединенных каким-то особенным, чисто бродвейским предвкушением неминуемого счастья. Это было потом. А на этот раз Владимир Александрович почти равнодушно следовал за своим провожатым – не медленнее и не быстрее, чем местные, занятые собой жители.

– Давай-ка побыстрее! – Они поднялись до Сорок второй улицы, и Рэмбо решил перейти на другую сторону. Мысль эта явно пришла ему в голову поздновато – светофор уже предупреждал, что торопиться не имеет смысла.

– Эх, мамочка родная... – Не хотелось казаться провинциалом, поэтому, чудом выпрыгнув из-под набравшего скорость автобуса, бравый майор очутился на противоположном тротуаре. – Здесь все так бегают?

– Нет, только когда надо провериться. – Сопровождающий не спеша, обстоятельно оглядел отсеченную потоком автомобилей публику. – Все в порядке, кажется...

– Да кому мы нужны, – не слишком уверенно пожал плечами Виноградов. – Рано еще вроде! Я слышал, у них бюрократии не меньше, чем в России.

– Дурак – понятие интернациональное... Но можно и на профессионала нарваться. Хотя здесь та же беда – ребята потолковее в коммерческие структуры подаются. На государство работать невыгодно. Аналитик из ЦРУ получает раза в три меньше, чем такой же «головастик» в банке. Да и престижа того, что раньше был, – нету! Приключения не в моде... Сюда сворачивай, налево.

Теперь они двигались в сторону Гудзона.

– Здесь где-то автобусный терминал? – припомнил туристическую схему Владимир Александрович. Но почти сразу потерял интерес к географии. – Ого! Нью-Йорк – город контрастов...

– Любишься. У нас такого нет... Пока.

Всего в паре шагов от интеллектуального Карнеги-холла, можно сказать, просто в тени всемирно известных небоскребов Манхэттена, раскинул свои кварталы не менее легендарный «Пип-лэнд». Похотливо подмигивали бесчисленные вывески крохотных видеосалонов и сомнительных магазинчиков, в ассортименте имелись: видеокассеты на любой вкус, экипировка для самых фантастических способов удовлетворения половых страстей и отдельные кабинки, в которых всего за двадцать пять центов разрешалось целую минуту любоваться отрывками из порнографических фильмов.

Пахло жареными сосисками и развратом, но ни то ни другое активного неприятия не вызывало.

– Хочешь заглянуть? Время позволяет.

– Да не знаю даже, – смутился Виноградов. Собственно, ничего против он не имел – чисто в познавательных целях, разумеется. – Как-то с одной стороны... Сорри?

Чуть поодаль от входа в очередной эротический театр с живыми девочками на пути Владимира Александровича оказалась довольно смазливая мулатка.

– Она спрашивает, не хочешь ли ты потрогать? – перевел Рэмбо.

– Чего потрогать? – растерялся майор.

Понявшая все без перевода девица откинула полы плаща и продемонстрировала, что именно может потрогать любой желающий.

– И сколько это стоит? – коронной фразой из лексикона советских моряков отреагировал Виноградов.

– Пятерку всего, – заверила собеседница.

– Знаешь, за пять долларов ты сама у меня потрогай! – обиделся Владимир Александрович. Вероятно, это прозвучало не безупречно с точки зрения грамматики. Зато от души.

В растрепанных чувствах Рэмбо и Виноградов проследовали дальше.

– Надо же... Среди бела, можно сказать, дня.

– Вообще-то, у них здесь проституция запрещена. Очень строго наказывается, запросто можно в тюрьму загреметь. Причем не только девка влетает, но и клиент! Так сказать, за поощрение и соучастие. – Почувствовав некоторое недоверие со стороны спутника, искушенный в местных реалиях Рэмбо продолжил: – А ты знаешь, что здесь спиртным по воскресеньям не торгуют напрочь? Хоть тресни... Хуже, чем у нас при Горбачеве. А если кого застукают, что несовершеннолетнему продал, – все, кранты. Лицензии лишат моментом, без разговоров. Формально, если ты даже пиво из банки в садике пьешь, могут арестовать за оскорбление общественной нравственности.

Виноградов молча кивал – а что тут скажешь?

Так, незаметно, они пересекли Восьмую авеню и зашагали, как здесь выражаются, вверх, на север.

– Вон, ты спрашивал, автобусный вокзал. Отсюда завтра поедем...

– Там вроде Гарлем дальше? Говорят, опасно?

На Рэмбо теоретические познания гостя впечатления не произвели:

– Не так страшен черт... Впрочем, пешком отсюда можно, конечно, дойти – к утру! Если прямо и никуда не сворачивать. Но нам поближе надо.

– Это хорошо. – Владимир Александрович не очень любил осматривать достопримечательности из окон экскурсионных автобусов. Он считал, что новые города следует узнавать пятками, но одно дело туризм, а другое... Честно говоря, он несколько устал и проголодался. – Это очень неплохо, что поближе.

С каждым пройденным кварталом облик Манхэттена стремительно менялся. Теперь вокруг спутников теснились закопченные корпуса каких-то фабрик, складские заборы и гаражи. С набережной дуло, прохожих становилось все меньше, а мусора на тротуарах – все больше.

Стемнело. Наконец Рэмбо скомандовал:

– Постоим! Покурим...

Естественно, ни тот ни другой за сигаретами в карман не полезли.

– Чисто? Как ты думаешь? – Там, дома, Владимир Александрович почувствовал бы слежку на уровне подсознания. Здесь – лучше было положиться на опыт спутника.

– Вроде не пасут... Дама ждет-дожидается нас! – Проследив за направлением кивка, Виноградов увидел припаркованную среди многочисленных автомобилей «тойоту». Под дворник кто-то просунул уже пестрый рекламный буклетик. – Двинулись.

Ресторанчик оказался японский, из недорогих. Приняв у посетителей одежду, стриженная тетечка в абсолютно современном джинсовом сарафане сноровисто уволокла пальто и куртку в темную глубь гардероба – и тут же вернулась, протягивая жетончики.

– Ей уже нужно давать чаевые? – Виноградов все путался в местных традициях. Особенно это касалось неизбежных встреч с представителями разнообразного сервиса: официантами, таксистами, подносчиками багажа.

– Пока нет, – отрицательно помотал головой провожатый. Вслед за возникшим из небытия улыбающимся потомком самурая они прошли в небольшой, столиков на пять-шесть, зал. Глаза постепенно привыкали к уютному полумраку.

– Добрый вечер. Позволю себе вас познакомить – Володя! А это – очаровательная Оля...

– Очень приятно.

– Здравствуйте. – Голос у Ольги оказался очень симпатичным. Как и все остальное – фигурка, глаза, волосы до плеч... Виноградов решил, что новая знакомая на редкость привлекательна. Впрочем, возможно, тут сказывалось почти недельное воздержание.

– Мы присядем? – Тот, кого Владимир Александрович называл Рэмбо, уже занял место лицом к выходу.

– Интересно, Сереженька, что бы ты стал делать, если бы я сказала «нет»? – прищурилась девушка, и из этой фразы Виноградов сделал сразу два вывода. Во-первых, что спутника знали здесь под его настоящим именем, а во-вторых – собеседнице не чужда ирония. Как известно, считающаяся верной спутницей ума.

– Но ты же ведь нас не прогонишь?

– Да уж... Ладно, за опоздание – оплачиваешь ужин!

– Нет проблем. – Рэмбо хозяйским жестом переправил Виноградову поданное японцем меню: – Выбирай! Ты, кстати, что взяла?

– Суши, естественно, – пожала плечами Ольга. – Не вареники же со сметаной.

– Смешно... Выпьешь?

– Нет, наверное... Вы впервые здесь, Володя? – Это прозвучало так сочувствующе, с таким пониманием, что Виноградов решил не пыжиться:

– Я, вообще, в первый раз в японском ресторане. Поэтому целиком полагаюсь на вас.

– Отлично. Возьмите тогда мисо-суп и суши. Ассорти, то есть разного понемногу, на пробу. Как считаешь, Сергей?

– Абсолютно! И саке...

– Я не очень люблю теплую водку, – решил подать голос дебютант. Что такое саке, он все-таки слышал.

– Сравнил, тоже мне! – Рэмбо сделал заказ, и почти сразу же перед Ольгой поставили деревянный подносик. На нем двумя аккуратными шеренгами выстроились некие подобия рисовых котлеток, каждую из которых венчал аппетитный ломтик даров моря.

Виноградов сглотнул слюну.

– Это не нам еще, – разочаровал его спутник. – Сейчас пока выпьем для аппетита...

– Ладно, мальчики. По поводу знакомства... Я тоже с вами глоточек, чисто символически.

Следующие полчаса Владимир Александрович изучал премудрости обращения с пластмассовыми палочками – вилку ему не позволили взять принципиально. Осьминоги и прочая рыбная снедь понравились.

А вот экзотическое подобие буро-зеленой горчицы с соевым соусом вызывало нездоровые воспоминания. И требовало постоянной нейтрализации – для чего, в конце концов сообразил он, и использовалось жидкое пламя пахучей японской водки.

– Уф-ф... – Сытость способствовала благодущию, но пора было и о деле подумать. Рэмбо вытер губы салфеткой и жестом отогнал подскочившего официанта. – Что с нашей проблемой, Олечка?

– Я могу говорить? – Собеседница вопросительно подняла брови.

– Совершенно свободно. Володе доверяй, как мне.

– А кто сказал, что я тебе доверяю? – Ольга сделала вид, что шутит. – Ладно! Тот парень, который вас интересуется, – он действительно здесь. Его прячут где-то неподалеку, видимо – в Нью-Джерси.

– Откуда информация?

– Тебе важен источник? Или степень достоверности?

– И то, разумеется, и другое.

– Вы не первые, кто интересуется этим человеком. Наши пытались до него добраться, но... Не получилось. Никто не хочет связываться с ФБР.

– Даже за большие деньги?

– Даже за очень большие деньги! Сереженька, на этом деле двое уже оказались за решеткой. Один – в Мексике...

Только сейчас Владимир Александрович сообразил, что кажется ему несколько странным в Ольгиной манере говорить. Нет, фразы она строила безупречно, с грамматикой тоже все было в порядке – но вот мелодика речи, интонации выдавали в ней человека, не один год прожившего в чужой языковой среде. В общем, это было по-своему мило.

Перехватив заинтересованный мужской взгляд, собеседница продолжила:

– Скорее всего, ты забыл, Сережа... Но это очень серьезная организация! Можно запросто остаться без вида на жительство. Не говоря уже о прочих пакостях.

– Простите, Ольга. Вы упомянули о наших предшественниках... Кто они?

– Не известно. Эти контакты прошли мимо меня. Предположительно российские криминальные структуры... Собственно, я думаю, что вам виднее. Верно?

– Хорошо! – увел разговор от рискованного поворота Рэмбо. – Что еще? Ни за что не поверю: ты – и больше ничего не знаешь... Ну? Не огорчай меня перед Володей.

– Есть один паренек на Брайтоне... Говорят, он когда-то встречался с тем, кто вас интересуется. Еще в Союзе. Но есть мнение, что теперь этот парень подстукивает.

– Фэбээровцам? – удивился партнер Виноградова. С таким диагнозом в русской мафии Нью-Йорка долго не живут.

– Почему? Возможны варианты, нами многие теперь интересуются. И ФБР, и просто полиция, и налоговые всякие службы... не говоря уже о «нравах» и «наркотиках»! – Ольга лукаво покосилась на Рэмбо: – Узнаешь – расскажи, хорошо? Вот адресочек.

– Если получится, – кивнул тот, записывая данные.

– А если не получится, мы и так узнаем. По тому, чьи легавые арест производят.

– И не стыдно тебе двух таких гарных хлопцев на мины посылать? – отсмеявшись невесело, поинтересовался сосед Виноградова. – Совесть не замучает?

– Сами проситесь... Вольному – воля!

– Земля – крестьянам, вода – матросам... Ладно, и на том спасибо. Иди, я рассчитаюсь.

– До свидания, мальчики. – Без лишних слов Ольга встала, качнула бедрами и направилась к выходу. Она так и не обернулась до самой двери – но, уже исчезая, послала через плечо остающимся некое подобие воздушного поцелуя.

– Хороша, стерва! – припечатал тот, кого она называла Сергеем. – Ох хороша... Было время, я с ней спал.

– Разве с ней заснешь? – по-казарменному поддержал тон Виноградов. Когда-то их познакомили в тренировочном лагере – там инструктор по кличке Рэмбо занимался с будущими охотниками на людей...

А самим Владимиром Александровичем некто Полковник как раз собирался рассчитываться – за чужие непомерные амбиции и собственную банальную жадность.

Обоим повезло. Милицейский майор в очередной раз выбрался из передраги, оставив на Кавказе два зуба и последние иллюзии. Вскоре он уже – в свободное от службы время – принимал дела по хлопотному и опасному туристическому агентству, жертвой которого чуть было не стал. А Рэмбо в числе немногих профессионалов успел выбраться из-под обломков нелегального бизнеса – работал тренером, частным охранником, контрабандистом... В конце концов угодил под следствие и был вовремя извлечен из-за решетки предусмотрительным Виноградовым.

Собственно, выполняя задания нового босса, он уже с лихвой окупил суммы, внесенные Владимиром Александровичем в качестве залога и потраченные на адвокатов. Предполагалось, что по результатам этой последней акции решится вопрос о назначении Рэмбо руководителем американского «представительства»... Благо подходил для этой миссии бывший инструктор идеально – и по личным данным, и по анкетным.

– Ты, значит, давно ее зацепил?

– Еще до знакомства с Полковником! Году, кажется, в девяностом. Я тогда только только приехал, на курсы ходил английского... И она тоже.

Собеседник мечтательно закатил глаза:

– Эх, времечко было! Это сейчас они чуток поумнели, а тогда Штаты просто считались страной непуганых идиотов. Не так, конечно, как в семидесятые, но тоже хватало – только не ленись. Народ кругом доверчивый, сытый... Помню, скажешь: «Горбачев, перестройка...», а они уже чековые книжки достают.

– Но ведь ты до сих пор не гражданин США... То, что в аэропорту показывал, – как называется? Ведь не паспорт?

– Нет, это грин-карта, вид на жительство. Ты в партии состоял, Саныч?

– Было дело. Даже секретарем бюро выбирали!

– Вот, эта штука – вроде кандидатской карточки. Если за испытательный стаж обойдешься без нарушений – станешь полноправным членом КПСС, получишь партбилет и все прочее. Только здесь срок подольше – пять лет.

– А тебе сколько осталось?

– Если все обойдется, чтобы – тьфу-тьфу-тьфу! – не сглазить, то в этом августе обзаведусь паспортом.

– Здорово. – Честно говоря, именно этот фактор и послужил определяющим при выборе Организации. Предусмотрительный Рэмбо, несмотря на перипетии последних месяцев, умудрился не засветиться у иммиграционных властей.

По документам он числился скромным рекламным агентом мелкооптовой фирмы в Квинсе. Работа требовала разъездов, в том числе и заграничных, но налоги со своего скромного заработка кандидат в американцы платил исправно, приводов в полицию не имел и в аморальном поведении не замечался. Словом, с точки зрения правительства США, он почти уже созрел для активного участия в строительстве капитализма.

– Чего же тебе здесь-то не сиделось? – Виноградов имел в виду вовсе не конкретный ресторан, и собеседник его понял.

– Скучно! В Штатах можно жить. Отдыхать на пенсии... Но зарабатывать деньги надо там, где пахнет жареным. Я имею в виду большие, серьезные деньги – ведь для обычного сытого существования и тут запросто хватает, помереть не дадут.

Выпитая рисовая водка грела изнутри, уходить не хотелось. Напротив, хотелось вести разговоры – неторопливо и обстоятельно.

Рэмбо по имени Сергей посмотрел на принесенный счет:

– Нормально... Еще чего-нибудь хочешь?

– Спать, – честно сознался Владимир Александрович. Все же восьмичасовая разница во времени ощущалась. – А так – нет, спасибо. Кстати, на чем ты ее зацепил?

– Ольгу? – Собеседник оторвался от содержимого своего кошелька. – Подожди секунду... дочку...

Наличных, судя по всему, хватало, у бывших русских долгие годы сохранялась привычка таскать с собой на всякий случай ненужную, по местным меркам, сумму в «зелени».

– Добавить? У меня есть.

– Брось, я пока при деньгах. А тебе экономия – приложишь счет к отчету за командировку, хозяева не обеднеют. Или ты принципиальный?

– Во всяком случае, не настолько, – отмахнулся Виноградов, пряча листок в карман. – В конце концов, у нас был деловой ужин.

– А что касается Ольги... Я ей сделал «легенду» хорошую и нужные документы. Большинство наших тогда и не знало толком, что нужно, чтобы на статус беженца подать. Приезжали в Штаты по туристическим визам или, как она, в порядке обмена студенческого. А возвращаться не хочется! И старались остаться всеми правдами, а чаще неправдами... Так вот, Ольгу я сделал пострадавшей от геноцида – якобы ее семья из Баку от погромов сбежала. И дедушку-диссидента придумал, и еще кое-что...

– Проглотили? – удивился Владимир Александрович.

– А кто проверял толком? Это теперь уже черта с два на халяву проскочишь, а тогда еще путч августовский как нельзя кстати... Всех чуть ли не скопом оформляли. Короче, через некоторое время пришлось объяснить девочке, что она на крюке – по самые гланды.

Собеседник поморщился:

– Американцы народ такой – доверчивый, но странный, не очень любят, если выясняется, что их надули. И если бы я куда надо насчет Ольгиных документов шепнул – все, дело о депортации возбудили бы моментально. Какой там статус! Какое гражданство! А она привыкла уже... С тех пор и работает на меня. Пришлось, правда, от постели отказаться, по принципу несмешения личного с общественным, но оно того стоит.

– Что она о тебе знает?

– Ничего. Кажется, считает меня кем-то вроде агента КГБ. Или еще какой-нибудь нашей разведки. С тех пор как Ольга поступила на работу в «Славянскую галерею», ее информация стала весьма специфической.

– Догадываюсь, – кивнул Владимир Александрович. Под крышей всемирно известной респектабельной фирмы укрывался мозговой и финансовый центр некоего сообщества, отчего-то иногда именуемого «русской мафией». «Славянская галерея» прокручивала и отмывала колоссальные суммы, имея представительства в пятнадцати штатах и филиалы по всему миру. Репутация учредителей считалась безупречной, и судебные иски против досужих журналистов неизменно заканчивались триумфом.

Сергей извинился и направился в туалет:

– Подожди меня! Сейчас уже пойдем.

– Да, конечно... – Владимир Александрович до сих пор не мог до конца осознать, что все окружающее – взаправду, не понарошку. Что действительно он, майор милиции Виноградов, скромный винтик огромной и страшной машины, сидит сейчас в японском ресторане, за тысячи миль от дома – и, раздвинув бамбуковые шторы, увидит через окно не привычный пейзаж Веселого поселка или улицу Захарьевскую, а космические, неземные силуэты пресловутых небоскребов. И что всего четверть часа назад компанию их покинула несостоявшаяся пока американка, получающая зарплату от соотечественников из мафии, но готовая при случае оказать услугу и российской спецслужбе... А ночевать он сегодня будет не где-нибудь, а на Лонг-Айленде, в домике человека с киношным прозвищем, которому мало паспортов России, Эстонии, Кипра на собственное имя – так еще хочется стать полноправным гражданином Соединенных Штатов!

К тому же подбрасываемый в кровь адреналин постоянно сбивал с толку расстроившиеся биологические часы: здесь еще стремительной чередой неслись события, а в Питере уже сонно царил третий час ночи...

* * *

...Выходя из метро неподалеку от знакомого офиса, Виноградов и представить себе не мог, что именно в этот момент экипаж «скорой помощи» извлекает из-под горы металлического хлама его умирающих коллег.

– Это хорошо, что ты приехал. Проходи.

– Здравствуйте. – Владимир Александрович подержал протянутую руку. При этом представилась реакция шефа, вздумай он не выполнить приказ. Да еще переданный по экстренной связи! Картинка вышла неприглядная.

– Как здоровье? Как служба? Читал ваш последний номер, неплохо там про конную милицию! – Подобное вступление означало, что основной разговор предстоит в бункере.

А пока следует соблюдать приличия.

– Присаживайся. – Наконец все предписанные ритуалы были соблюдены. – Ужинал? Или прямо с выезда?

– Не успел. Я вообще-то домой собирался.

– Ничего, – рассеянно кивнул ушастый. Непонятно, к чему это относилось, но на угощение Виноградов и не рассчитывал. – Есть серьезный заказ. И очень срочный! По твоей как раз линии.

– Слушаю. Постараемся выполнить.

– Тут даже не столько в деньгах дело, хотя и насчет этого тоже все в порядке...

На этот раз ушастый был, против обыкновения, тороплив и многословен. В его изложении события развивались следующим образом.

Некий довольно высокопоставленный офицер из РУОПа, Регионального управления по борьбе с организованной преступностью, получил взятку. Сам по себе данный факт был достаточно отвратителен, но относился скорее к личной биографии негодяя, тем более что ни Служба собственной безопасности, ни Инспекция по личному составу ничего об этом не пронюхали. Поражала воображение сумма: ни много ни мало полмиллиона долларов США. Даже у не очень искушенного в среднерыночных ценах на продажных сотрудников МВД человека возник бы вполне резонный вопрос: за что?

Причина выяснилась довольно быстро. Руоповец отвечал за охрану и безопасность особо ценных и важных свидетелей на стадии расследования и в судебных процессах по деятельности преступных сообществ. В том числе и по так называемому «делу поволжцев».

Владимир Александрович помнил: серия сокрушительных ударов, задержания, аресты всех авторитетов и большинства рядовых бойцов крупнейшей на Северо-Западе страны организованной преступной группировки. Брали с поличным и безошибочно – кого с наркотиками, кого с пистолетом в кармане... Полыхали засадами одна за другой конспиративные хаты, арестовывались счета подставных коммерческих фирм.

Из секретнейших тайников при стечении прессы извлекали радостные оперативники золото – килограммами, валюту – чемоданами, а количество обращенных в доход государства рублей уже было сопоставимо с дефицитом бюджета.

Сомнений не оставалось – кто-то братву сдает... И в Петербург срочно прибыла «ликвидационная комиссия» из небольшого поволжского городка. Тихий городок этот, расположенный на берегах великой русской реки, дал родине нескольких видных ученых, одного композитора и бесчисленное множество разлетевшихся по стране бандитов.

На воле к тому моменту оставался единственный из авторитетов местного филиала группировки, которого сгоряча отправили на тот свет – о чем немедленно и с облегчением проинформировали томящихся за решеткой соратников. Разумеется, все формальности были соблюдены – перед смертью под страшными пытками бедолага признался в предательстве, но... на следующее утро собиравшихся отбывать в родные края «ликвидаторов» арестовали. Всех и сразу, что называется – по горячим следам.

Покойный был посмертно амнистирован. И на самом высоком уровне поволжские приняли решение любой ценой докопаться до правды.

Только действовали теперь значительно осторожнее.

Обратились к местным бандитам, связались с ворами... Те, отодвинув временно на второй план суровые законы конкуренции, вызвались помочь. И в конце концов вывели партнеров на уже упоминавшегося продажного мента.

Дальше – дело техники. К исходу месяца руоповец получил в камере хранения Московского вокзала потрепанную спортивную сумку, чуть ли не доверху набитую пачками сотенных и пятидесятидолларовых купюр. А взамен оставил несколько стандартных магнитофонных кассет. Качество записи было не идеальным, большинство голосов принадлежало начальству РУОПа и операм, но вот их собеседник... Поначалу это расценили как провокацию – кто-то хотел подставить знаменитого лидера местных поволжских по кличке Кальмар. Но обиженный недоверием офицер предъявил дополнительные доказательства: ксерокопию собственноручной подписки Кальмара о сотрудничестве с органами внутренних дел, несколько сделанных им же черновых набросков структуры отмывания нелегальных доходов, а также оперативную видеосъемку, запечатлевшую подследственного в момент интимного свидания с женой. Любовная сцена происходила прямо в кабинете того самого чиновника РУОПа, а сервировка стола наталкивала на догадку, что Кальмар вовсе не пухнет с голоду.

В принципе, это ни о чем не говорило – в наших тюрьмах сидят по-разному. За большие деньги можно не только с законной супругой переспать... А за очень большие –

и вообще взвод фотомоделей доставят, на выбор. Но вот только к этому именно «подогреву» никто из братвы отношения не имел! И когда напуганная до судорог женщина подтвердила, что в Большой дом ее в обстановке строжайшей тайны доставляли чуть ли не десять оперов и что муж строго-настрого запретил упоминать о свидании даже детям...

Словом, предателю в погонах можно было верить.

Получалось, что Кальмар, задержанный одним из первых, на сделку с милицией пошел почти без сопротивления. То ли надоела ему хлопотная жизнь на грани между пулей конкурентов и проволок зоны, то ли понял, что вовремя надо соскочить с несущегося к обрыву поезда... А может, просто сломался какой-то невидимый стержень, позволявший матерому авторитету держать в подчинении и себя, и обкуренных, признающих только закон силы боевиков.

Во всяком случае, Кальмар ссучился... В отличие от легендарного Ваньки Каина, грабителя и душегуба, переметнувшегося некогда из мира московских воров в большие полицейские чины, он погоны надевать не собирался.

Не требовалось ему это!

В обмен на головы бывших соратников лично прибывший из Москвы генерал, заместитель начальника Главного управления по борьбе с организованной преступностью, гарантировал бывшему противнику безопасную жизнь по чужим документам и неприкосновенность лично его, Кальмара, сбережений – пусть даже тех, что случайно достанутся следствию. И разумеется, отпущение всех совершенных грехов.

Для вывода ценного негласного свидетеля предусматривался целый комплекс мер – от инсценировки очереди из автомата при попытке к бегству до выдачи абсолютно чистого загранпаспорта и изменения дактилоскопических карт. Кое-что предстояло сделать косметологам и парижскому представительству банка «Креди ля Русс»...

Осуществлением этой программы, в силу своих должностных обязанностей, и занимался корыстный офицер в момент, когда поволжские предложили ему целую сумку долларов. Собственно, дело близилось к завершению – и заснятый на пленку визит супруги был чем-то вроде ностальгического прощания Кальмара с прошлым. На пороге, так сказать, грядущей жизни...

Вскоре Кальмара убили. Убили страшно и, к искреннему удивлению сотрудников милиции, по-настоящему. На столике в камере нашли недоученный им текст новой биографии.

А еще через несколько дней исчез тот самый сотрудник РУОПа. Просто-напросто растворился во времени и пространстве, озадачив не только родных и близких, но и непосредственное начальство.

– Они его до сих пор ищут! Всех бандитов на уши поставили.

– Да и не только... – Владимир Александрович вспомнил, что писали на тему бесследного исчезновения офицера спецслужбы газеты. «Криминальное обозрение» тоже не осталось в стороне – затеяли собственное журналистское расследование, но потом прошло негласное указание – свести инцидент к бытовухе. И виноградовский репортер, чтобы не остаться в дураках, вовремя сошел с дистанции.

Естественно, к подлинной подоплеке событий никого из пишущей братии и близко не подпустили. Даже теперь майор не очень понимал, для чего ушастый сейчас посвящает его в подробности.

– Я должен дать утечку по этой версии? – Иногда статус Владимира Александровича, как заместителя редактора полумилицейского еженедельника, использовался для корректировки общественного мнения в нужную сторону. Тем более что материалы осведомленного «Криминального обозрения» охотно перепечатывались другими изданиями.

– Нет. Наоборот, скорее... – Собеседник сделал паузу, потом продолжил: – Помните стишок детский: «...ищут пожарники, ищет милиция...»? Дескать, ищут – и не могут найти скромного героя... Так вот, вам теперь тоже придется подключиться.

– Этого негодяя, что ли, искать?

– А что вас смущает? – ответил вопросом на вопрос негласный шеф Владимира Александровича.

Виноградов наморщил лоб:

– Кто заказчик?

– Какая вам разница?

– Я на бандитов не работаю. Принципиально.

– Надо же! – всплеснул руками ушастый. – Бедняги, они, наверное, волосы на себе рвут от горя... Не волнуйтесь, во всяком случае поволжским он уже ни к чему. А остальным группировкам – тем более.

– И все-таки... кто платит?

– Этакий вы настырный! Хотите, я скажу, что это международный сионизм? Или Всероссийское общество глухих?

При таком ответе настаивать не имело смысла, и дисциплинированный Виноградов, вздохнув, попытался зайти с другой стороны:

– Сколько они готовы выложить?

– Достаточно. Призовой фонд стоит того, чтобы в этом поучаствовать... – По негласным законам этики полагалось озвучить сумму. – Семьсот пятьдесят тысяч долларов. Плюс – накладные расходы.

– Это больше, чем он с собой уволок, – удивился Владимир Александрович.

– Ошибаетесь. Ошибаетесь... Пол миллиона он только от бандитов получил, за голову Кальмара... – Собеседник неожиданно расхохотался: – Смотрите, какой каламбурчик получился!

Виноградов оценил:

– Обычно больше головы ценятся щупальца...

– Ну, щупальца – это скорее по поводу того парня, которого тебе придется разыскивать... Помнишь, я говорил про договоренность покойника с генералом? Насчет личной, неприкосновенной доли Кальмара?

– Помню. РУОП дал гарантии.

– Эта проблема тоже находилась в ведении беглеца. Он обеспечивал аккумуляцию наличных долларов и переброску части средств Кальмара за рубеж. Чтобы тот проще мог легализоваться.

– Классно! – Теперь пасьянс разложился перед майором во всей своей задуманной беглецом красе. – Лихой парень.

– Там, по прикидкам, еще примерно миллион.

– Это расчеты... заказчика?

– И наши тоже! – Эта тема явно не входила в перечень обсуждаемых, и Виноградову пришлось смириться.

В конце концов, начальству виднее.

Ушастый продолжил:

– Те, кому по штату положено его искать, ничего ни про взятку, ни про присвоенные бывшим коллегой деньги не знают. А мы знаем... Кроме того, есть кое-какая информация помимо этой... – Виноградов разочарованно прислушался к наступившей паузе. Однако продолжение последовало: – Скорее всего, ваш будущий подопечный в Штатах.

– В Америке? – Владимир Александрович сразу же начал перебирать в памяти их реальные возможности за океаном.

Получалось негусто: Рэмбо, еще пара человек... Конечно, команда Полковника когда-то работала и в США, но с тем наследством, которое досталось Виноградову... Впрочем, не исключено, что у собеседника есть козыри, о которых майор и не догадывался.

– У вас ведь приличный английский?

– Бытовой. Грамматика слабая, но люди понимают. – Владимир Александрович вспомнил, как в бытность свою начальником отделения убалтывал иностранцев, пришедших подавать заявления – о кражах, мошенничествах...

В большинстве случаев пьяные заморские гости сами провоцировали криминогенные ситуации, поэтому вешать на себя дурной глухарь желания не возникало. Судебной перспективы такие дела, даже при аресте злодеев, не имели: ни свидетелей, ни потерпевших.

Поэтому приходилось практиковаться в языке.

– Ладно, там подстрахуют.

– Кого подстрахуют – меня? В Америке?

– Что же поделаешь... Заказчик просил, чтобы некто Виноградов участвовал лично.

– Почему это? – насторожился Владимир Александрович. – Откуда он меня может знать?

Собеседник пожал плечами:

– Наверное, вы ему чем-то нравитесь... – Вторую часть вопроса он предпочел проигнорировать. И сразу же перешел к делу: – Завтра сдашь дела в редакции. Завтра они получают приказ о твоем откомандировании в Москву, на учебу. Что-то по линии бывшего политуправления, не помню, как сейчас называется... Послезавтра вылетишь, там встретят. Несколько дней, пока мы тут всякие визовые вопросы решим, организационные, потолкаешься на виду, на занятиях. Потом заболеешь.

– Чем это? – Как всякий относительно здоровый человек, Виноградов относился к медицине с пугливой настороженностью.

– Что-нибудь инфекционное. – Ушастый мстительно прищурился. – Дизентерия, к примеру, или просто понос... Да не дергайся ты! Только документы оформим, а на госпитализацию наш человек ляжет.

– Вечно вы, шеф, придумаете...

– Подробности позже. Деньги и все прочее... Перед вылетом нужно еще будет встретиться, а окончательно до ума доведем все в Москве. Спать любишь?

– Естественно!

– Придется потерпеть. Днем – учеба, вечером пьянки... чтобы политруки не подумали, что от коллектива отрываешься. А ночью готовиться будем.

Нельзя сказать, что перспектива манила. Но Париж, говорят, стоит мессы.

– Ладно, ступай... На колесах?

– Нет. Пришлось пешком... До завтра.

– Всего доброго, Владимир Александрович! Я найду вас, вероятно, после обеда... Счастливой охоты!

Виноградов тогда обернулся и уже на пороге бункера с удовольствием послал ушастого к черту.

* * *

– Эф-би-ай, – отозвался мужской голос в трубке.

– Ду ю спик рашен?

– Да, вы можете говорить по-русски... – Сотрудник Федерального бюро расследований не был соотечественником Владимира Александровича. Разве что в пятом поколении.

– Вы – Лэс Макдаффи?

Теперь, дозвонившись до ФБР, он уже довольно уверенно произносил написанную на клочке бумаги фамилию. А с первого раза это практически не получалось.

– Да, это я. Говорите!

– Моя фамилия Виноградов. Я звонил позавчера.

– Да, я помню. – Дружелюбие угадывалось даже сквозь чудовищный акцент.

– В прошлый раз вы сказали, что сами свяжетесь... Я оставлял в отеле номер телефона, по которому меня можно найти. Вы не звонили?

– Нет, я пока не звонил.

– К сожалению, я не слишком долго пробуду в Америке.

– Как вам понравился Нью-Йорк?

– Это прекрасный, фантастический город. Но я приехал по делу. По тому делу, о котором уже говорил...

– Я обязательно с вами свяжусь.

– Хорошо! Буду ждать. До свидания.

– Желаю вам всего хорошего! – Тон собеседника абсолютно не изменился.

Владимир Александрович в сердцах придавил рычаг уличного автомата:

– Вот сволочь... – и тут же испугался: а вдруг у них тут предусмотрена какая-нибудь защита от телефонных хулиганов? Сейчас как обрызгает краской вонючей или заорет на весь район, чтобы полиция подросла.

– Не расстраивайся, Саныч. Это былдохлый номер. – Сергей по прозвищу Рэмбо еще раз сверился с расписанием. – Двинулись, а то опоздаем.

Действительно, к платформе уже подползала серебристая гусеница электрички.

– Долго нам ехать?

– Прилично. Другой конец... Но часа через полтора в общей сложности будем.

Разговаривали вполголоса – на всякий случай. Как успел заметить Владимир Александрович, вероятность в Нью-Йорке нарваться на человека, понимающего по-русски, была высока до смешного. Если раньше, говорят, бывшие граждане СССР встречались преимущественно в Бруклине или на дешевых распродажах центральных универмагов, то теперь и престижные пригороды, и деловой Манхэттен утратили безусловную монополию английского языка.

– Может, зря мы машину бросили?

– Не знаю... Честно говоря, я, наверное, первый раз за последние года четыре общественным транспортом пользуюсь. – Рэмбо полюбовался на купленные в кассе билеты. – Да это и дороже выходит! Тут без автомобиля – как голый. Хотя, конечно, если в трафик влипнешь...

– Куда влипнешь? – не понял Виноградов.

– Ну в пробку попадешь! Иногда по два часа добираемся, хотя пешком ходу минут десять.

– Понял... Ладно, ничего не поделаешь.

По счастью, спутник Владимира Александровича не злоупотреблял американизмами типа «юзаная кара» или «рефьюзник». Хотя было ясно, что в первом случае речь идет о ненормальном транспортном средстве, а во втором просто имелся в виду человек, которому долгое время отказывали в выезде из бывшего Союза, то есть «отказник»... Владимир Александрович понимал, о чем речь, но слух подобные выражения резали.

Впрочем, на эту тему в свое время высказался Маяковский – и ни убавить, ни прибавить...

– Саныч, я редко ошибаюсь в таких вопросах. Нас вели от самого отеля.

– Тот «шевроле» и такси желтое?

– Остальных я мог и не заметить.

– Значит, все-таки мною интересуются... – Виноградов вспомнил рыжего верзилу в холле – получалось, что вряд ли хвост привел за собой напарник. Но когда они отъезжали на взятой Сергеем в аренду машине, кто-то точно увязался следом. – Ты чистый был до этого?

– Проверялся! – пожал плечами тот. – Никогда нельзя быть уверенным, но ничего подозрительного...

Обнаружив «сопровождение», они не стали устраивать по городу автомобильные гонки. Это в кино хорошо, а взаправду – мигом очутишься в наручниках за нарушение правил дорожного движения.

– Потом никаких командировочных не хватит рассчитаться, а то и вышвырнут из страны без разговоров, – объяснил свое решение Рэмбо. Они как раз без аппетита пережевывали заказанную пиццу. – Цены здесь, однако... У нас процентов на двадцать дешевле.

Владимир Александрович сразу почему-то догадался, что Сергей имеет в виду не родную деревню на Псковщине, а забегаловки нью-йоркских окраин. Странно, но даже гамбургеры в демократичных «Макдональдсах» стоили по-разному – в зависимости от географического положения. Хоть и шла речь о считанных центах, но...

– Давай я позову, рассчитаюсь?

– Не надо, Саньч... Только башкой не крути! Мне тут одна парочка, что после нас пришла, отчего-то внушает смутные подозрения. – Сидя напротив Виноградова, Рэмбо имел возможность просматривать весь крохотный итальянский ресторанчик. И делал это достаточно профессионально. – Давай, как договаривались?

– Кепку жалко, – вздохнул Владимир Александрович. Он только вчера купил ее в негритянской лавке – цвета морской волны, с вышитым американским орлом. Всего-то за пять долларов!

Но делать нечего – оставив яркую свою красавицу на столе, майор встал и направился к туалету. Через пару минут к нему присоединился Сергей:

– Быстро, ноги отсюда!

Напарнику пришлось, руководствуясь им же самым разработанным планом, расстаться с очками от солнца. И со свежим номером «Нью-Йорк таймс»... Сейчас весь этот натюрморт создавал у заинтересованных лиц иллюзию недолгого отсутствия объектов наблюдения. Отлучившихся по нужде, но твердо намеренных доесть и допить все после возвращения.

Чувствовалось, что заведение Сергеем знакомо: отогнув потаенный гвоздик, он открыл казавшуюся намертво заколоченной дверь и протолкнул Владимира Александровича в некое подобие кухонной подсобки: ведра, какие-то пластиковые флаконы с химикатами, жидкое мыло... Далее путь пролегал через два коридора – на улицу.

На счастье, по дороге им никто не попался.

– Как ты думаешь, мы оторвались?

– Должны, по идее... Минут пять пройдет, пока зашевелиятся. Может, меньше – если ребята особо толковые.

– Ты хоть денег-то оставить не забыл?

– Положил двадцатку... чтоб не обижался.

Такой суммы вполне хватало, чтобы скрасить хозяину огорчение от того, что посетители не попрощались. В этом отношении самым уязвимым пунктом плана представлялась возможная встреча при выходе с кем-нибудь из особо бдительных официантов или грузчиков.

Сергея и Виноградова запросто приняли бы за очередных негодяев, пытающихся смыться не расплатившись. И уж что-что, а скандалить итальянцы умеют шумно!

– Как ты вообще-то попал туда?

– По направлению... Когда вид на жительство получил, всем предложили трудоустройство – кому что. Тогда, насколько я понял, тем, кто новой иммиграции из нашего соцлагеря содействует, разные льготы налоговые давали. Это сейчас наоборот, а до девяностого года выгодно считалось...

– Прости, а где мы сейчас едем? – После третьей пересадки Владимир Александрович уже вконец перестал ориентироваться. А вытащить из кармана схему не позволяло самолюбие.

– Линия «Джи» сабвея. Сейчас будет, кажется, Гринпойнт.

– Ага, понял. – Судя по количеству купленных Сергеем полторадолларовых жетонов, кататься им еще предстояло долго. Впрочем, как и в Москве, поезда метро то и дело выскакивали на поверхность – и тогда взору пассажиров на какое-то время представал очередной урбанистический пейзаж. И вообще – все это мало походило на бесчисленные рассказы из советских газет об ужасах нью-йоркской подземки.

Ни уюта, конечно, ни красоты, но...

Довольно чисто, практически нет на стенах надписей – ни похабных, ни политических... Почти за два часа к ним не пристала ни одна чернокожая банда, а стрельба и вопли насилюемых обоого пола вовсе не перекрывали грохот прибывающих на станцию поездов. Словом, любоваться нечем, но ехать можно.

– Ты рассказывал насчет ресторана...

– А чего, собственно – все! Мне деваться некуда было, стал работать у итальянцев, за четыре с полтиной в час. Недолго, конечно, но... был такой эпизод в биографии.

– Просто – американская мечта! Но, во всяком случае, нам сегодня твое трудовое прошлое пригодились.

Действительно, план строился именно на этом. Только работники рестораника знали про волшебный гвоздик, сокращавший путь между мужским туалетом и кладовой.

– Машину-то не угонят?

– Всяко бывает... Плевать, все равно не моя – из проката. Страховка есть! Хуже, если полиция придерется – с ними тут черта с два поспоришь, прилепят квитанцию, и привет. То за парковку, то еще за что-нибудь.

– Беспредельничают?

– Да не то чтобы... Кстати! Ты мне очень удачно напомнил. Ну-ка, пошли! Здесь выйдем.

Поднявшись на улицу, Рэмбо уверенно направился в сторону яркой витрины:

– Домой сувениры какие-нибудь потащишь? Выбирай. Здесь все, в общем, недорого.

В некотором недоумении Владимир Александрович вошел вслед за спутником в небольшой магазинчик. Он был явно ориентирован на гостей города: майки, футболки, открытки... Десятки разнокалиберных статуй Свободы, кофейные кружки с космическими пейзажами Даун-тауна, флаги, флажки, вымпелы. Все – от бутылочных открывашек до стилизованной под старину арфы.

– Присмотрел что-нибудь? – Вид у Сергея оказался довольный, явно не по ситуации.

– Пока нет... А ты? – Конечно, забота со стороны напарника умиляла, но не только же в заботе дело!

– Гляди! – Сергей спрятал в карман металлическую, полученную на сдачу мелочь и развернул фирменный пакетик. В руке оказалось нечто напоминающее бумажник. – Оба-на! – В следующий момент перед носом Виноградова матово заблестела чеканная бляха. Текст гравировки разобрать не удалось, но по форме это было нечто среднее между шерифской звездой и гербом Советской России.

Такие часто показывают в кино про полицию США.

– Может, ты еще пистолет водяной купишь? – поинтересовался Владимир Александрович. Но ирония не достигла цели.

– Нет, я хотел сначала, но потом передумал... Еще не поймут – и пристрелят сдуру. Здесь, знаешь ли, такие игрушечные пистолетики, что и не разберешь.

– Кто подстрелит-то?

– Да мало ли кто... – уклонился от ответа Рэмбо. – Посмотрим! Все, поехали.

Виноградову оставалось только пожать плечами. Скорее всего, местный напарник понимал, что делает.

– Я хочу все-таки переговорить с тем специальным агентом – с Макдаффи, кажется?

– Напрасно. Задницей чую – это само ФБР нам хвоста и приделало. После первого твоего звонка...

– Как тут телефоном-автоматом пользуются?

– Элементарно. – Рэмбо никогда не спорил с начальством. – Сейчас до станции доберемся, до Вудсайда, и звони себе на здоровье... Даже если точку засекут, то пусть гадают, куда мы собрались.

... Действительно, все вышло так, как он и предупреждал. Ничего, кроме досады и раздражения, разговор со специальным агентом ФБР не принес. То ли этот чертов Макдаффи не понимал, о чем речь, то ли вообще...

– Следующая – наша, – прокомментировал хрипы динамика виноградовский спутник.

– Да, я понял. – Владимир Александрович успел изучить схему метро города Нью-Йорка почти до отвращения.

Этнические, расовые и религиозные особенности различных районов здесь можно было изучать, не поднимаясь на поверхность. На определенных участках подземки в вагонах преобладали чернокожие, где-то их сменяли уважаемые обитатели небоскребов. Потом, соответственно, азиаты серьезного вида – или евреи с огромными пейсами и почти армейским единообразием в одежде. Сейчас вокруг были недавние соотечественники: интеллигентного вида пенсионер в кепке из каракуля, женщина с усталым лицом жительницы средней полосы, парень, листающий «Новое русское слово»...

Прилично одетая мама лет этак двадцати с хвостиком укоряла расшалившееся чадо:

– Мишенька, Мишенька, брось этот гарбидж! Фу, какой ты нехороший бой...

– Будет время – смотаемся на Брайтон-Бич. Это полный абзац! – шепнул Владимиру Александровичу искушенный спутник.

– А где? Далеко отсюда?

– Еще несколько остановок... Рассказывать нечего, надо видеть. – Рэмбо улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

– Дитмас! Дитмас-эвенью, – возгласила трансляция. Двери открылись, и они шагнули на платформу.

На этой остановке сабвей выходил на поверхность; чтобы попасть на улицу, требовалось, как ни странно, спуститься вниз по некоему подобию трапа.

Следуя за провожатым, Владимир Александрович успел окинуть взглядом панораму. Пыльные крыши, убогие вывески... Райончик был не из самых шикарных.

– Нет, здесь неплохо! – угадал мысли Виноградова спутник. – Не так уж плохо... Дальше вон туда – «черные» кварталы, а там кладбище.

Гость вздохнул – понимание местной логики в очередной раз оказывалось выше его сил. Вскоре они пересекли Оушн-парквей, и Рэмбо не преминул сообщить, что из-за преобладания здесь выходцев из СССР эту улицу народ переименовал из Океанской в Рашн-парквей, то есть в Русскую.

– Весной тут красота! Ветрено, правда, из-за Атлантики, но многие говорят, что Одессу напоминает. – Еще через сотню метров остановились. – Давай-ка обнюхаемся...

– Этот дом? – Нумерация зданий казалась бессмысленной, и за четыреста сорок седьмым запросто мог следовать четыреста пятьдесят третий.

– Этот! Вход с угла.

– Ты бывал здесь, что ли? – Виноградов решил не удивляться.

– Ерунда... Типовой проект, как у нас. Значит, договорились – молчишь и делаешь умное лицо?

– Попробую. Если получится...

План хоть и казался несколько мудреным, но другого все равно не имелось.

– Спаси Господи! – Они с решительно-равнодушным видом миновали нужную парадную и свернули за угол. Здесь имелся еще один вход, служебный, уже без кодовых замков и переговорных устройств.

Рэмбо надавил на кнопку, и откуда-то изнутри мерзко откликнулся звонок.

Пришлось подождать. С той стороны кто-то приблизился.

– Миссис Бэертковитч? – Напарник Виноградова произнес фамилию женщины именно так, с американским акцентом и придыханиями.

Из-за двери поинтересовались, что нужно. Владимир Александрович не был филологом, но заметил, что теперь уже в английских словах прозвучало приморско-местечковое произношение.

– Русски отдел! – В обоих словах Сергей сделал ударение на первом слоге, получилось диковато, но вполне естественно. Тем более что в дополнение к этому он коротким, нарочито привычным жестом продемонстрировал в глазок свой липовый полицейский жетон. И тут же сунул обратно в карман.

После секундного замешательства щелкнул запор, и на пороге предстала дама комендантского вида.

– Йес? – Лицо ее изобразило что-то отдаленно напоминающее улыбку.

По правде говоря, до этого Владимир Александрович с некоторым недоверием относился к изыскам напарника в области прикладной психологии.

– Поверь, старик, здесь совсем иное отношение к представителям власти! – убеждал его Рэмбо под грохот несущейся к Бруклину подземки. – Здесь можно плевать на законы штата, на налоги, на правила уличного движения, но, когда тебя взял за задницу конкретный полицейский, таможенник или инспектор по «социалу», лучше не делать лишних телодвижений. Народ приучен сначала подчиниться, а уж потом жаловаться адвокату, ходить по судам... А новые американцы вообще толком систему местную не знают. Коренные и то путаются – ФБР, отдел нравов, управление по наркотикам, ребята из налоговой! Шерифы всякие, полиция штата, города, графства... Поди разберись, кто на что право имеет и где – по стране или только, допустим, где-нибудь в Миннесоте. А тем более узнай, кому какой жетончик положен и чем удостоверения отличаются! Поэтому, как правило, предпочитают на рожон не лезть – чтобы потом не привлекли за какое-нибудь неповиновение или отказ сотрудничать с органами.

– А нас с тобой – не того? Наверняка же есть статья за какое-нибудь самовольное присвоение званий...

– Я и не буду говорить, что мы полицейские! Ляпну что-нибудь маловразумительное, а там разберемся. Надо будет не забыть только посмотреть фамилию, там указывают обычно рядом со входом...

Ничего другого Виноградов предложить не мог. И теперь практика триумфально, как писала когда-то «Правда», подтвердила теорию – посрамив скептиков и маловеров.

– Ду ю спик инглиш? – Переступив за порог, напарник деловито зашелестел страницами купленного по пути блокнота. Предусмотрительный Виноградов успел придать ему вид неновый, а Рэмбо заполнил какими-то символами и значками.

Дама ответила, что да, но не слишком хорошо. И с радостью приняла предложение перейти на русский.

Собственно, на этом вполне естественном решении домоправительницы, дававшем ей мнимые преимущества перед незванными гостями, в основном и строился план: изображать плохо говорящего на чужом языке американца проще, чем имитировать нью-йоркский акцент.

Словом, не прошло и четверти часа, как они втроем уже поднимались по металлическим ступенькам пожарной лестницы. Прежде чем с крохотного балкончика шагнуть вслед за спутниками в прохладу общего коридора, Владимир Александрович огляделся: посторонних глаз не было. Во всяком случае, ничего подозрительного...

Двор представлял собой обыкновенный кирпичный колодец, образованный глухими брандмауэрами соседних домов. Подобных обшарпанных стен с одним-двумя случайными окошками полно и на Петроградской стороне, и среди линий Васильевского острова.

Пахло мусором, где-то ревел грузовик.

Со стороны улицы обзор закрывала высокая ограда с аркой – в случае необходимости стоило попытаться перелезть на соседнюю лестницу и оттуда уже, по карнизу, дойти до крыши противоположного здания.

И далее – по обстановке...

Апартамент «2-С» оказался в конце коридора. Следуя полученным инструкциям, женщина сначала позвонила, потом для верности несколько раз ударила костяшками пальцев по дереву.

– О'кей! – кивнул Рэмбо. Поворот ключа – и они оказались в квартире.

Перепуганная дама тут же, не издавая ни звука, засеменила обратно, в свою полуподвальную каморку – ее миссия завершилась, и теперь нужно было только держать язык за зубами. На долгое молчание комендантши рассчитывать не стоило, но этого от нее никто и не требовал – лишь бы до возвращения жилья продержалась.

Хорошо, что в квартире оказался линолеум. Скрип паркета сейчас мог только раздражать.

Тихо, стараясь не побеспокоить даже клубящуюся в солнечном луче пыль, Рэмбо обследовал помещение. Света вполне хватало – он проникал через поднятые планки жалюзи, вырисовывая на противоположной стенке полосатый, слегка колеблющийся прямоугольник.

Собственно, это была не квартира даже в привычном для русского восприятия значении, а то, что в Штатах называют «студией». Единственная комната начиналась прямо от порога: она совмещала в себе функции прихожей, спальни, гостиной и даже кухни. За тоненькой дверцей располагался только совмещенный санузел с душевой кабинкой вместо ванной. Крашеные стены без обоев, трещина на потолке...

Имелся, впрочем, положенный джентльменский набор: телевизор, японский видик, проигрыватель для компакт-дисков и телефон с горящей в углу красной лампочкой. Если обладание импортной бытовой электроникой в бывшем СССР свидетельствовало о достатке, то здесь наличие этого минимума вещей подразумевалось само собой. Так же как микроволновая печь и двухэтажный холодильник в «кухонном» углу комнаты.

Мебель и посуда, напротив, казались оставшимися в наследство от прошлых жильцов – все дешевое, грязноватое. Да и вообще, тот, кто интересовал незваных гостей, не отличался особой любовью к порядку. Смятый ком одежды на стуле, разбросанные туфли, недопитый с завтрака кофе...

Женщины здесь если и бывали, то лишь эпизодически – об этом домоправительница не соврала, а значит, не имелось оснований сомневаться и в других ее сведениях.

Мелко, с комариным звоном завибрировало оконное стекло – это неподалеку пронесся состав подземки. Кто-то включил музыку – то ли в соседней квартире, то ли двумя этажами выше.

Виноградов с любопытством рассматривал фотографию покойного академика Сахарова, – наряду с православной иконкой и пестрым плакатом на тему борьбы со СПИДом, это было единственное, что украшало стены холостяцкого обиталища. Редкостная безликость – даже музыка и видеокассеты свидетельствовали скорее не о многогранности интересов хозяина, а о стремлении быть в курсе всего и сразу.

– Что? – одними губами спросил Владимир Александрович. Рэмбо, закончивший уже разбирать документы, отрицательно помотал головой. Потом поманил за собой Виноградова и переместился к телефонному аппарату: – Попробуем?

Это также было сказано отчетливым шепотом, но Виноградов все равно не понял.

– Что попробуем? – Телефон был как телефон, обычный кнопочный «панасоник». В России давно уже покруче есть – с определителем номера, с автоответчиком...

– Войс-мэйл, – показал Сергей на светящуюся кнопку.

Виноградов виновато поднял плечи, и напарник решил не тратить время на объяснение очевидных для каждого американца вещей.

Он снял трубку и набрал, сверяясь с прилепленной скотчем у аппарата табличкой, номер электронного коммутатора. После первого же гудка отозвался женский, записанный на пленку голос. Как понял Владимир Александрович, абоненту предлагалось набрать свой персональный код. Искомые четыре цифры оказались вписаны от руки в соответствующей пустой строчке – еще, видимо, при вселении жильца.

Кивнув одобрительно самому себе, Рэмбо набрал комбинацию. Электронная женщина сообщила, по-английски естественно:

– Для вас имеется два телефонных послания... два послания. Чтобы прослушать первое из них, нажмите кнопку «пи»... Для вас имеется два телефонных послания...

– Ну если вы настаиваете, – уже не сдерживая азарта, согласился партнер Владимира Александровича. – Жму «пи»!

Коммутатор отреагировал:

– Четверг, один час семь минут пополудни.

Затем, после звукового сигнала, заговорил опять женским голосом, но на этот раз другим, поразительно знакомым:

– Здравствуйте, господин Натанзон! Это русская служба доставки фирмы «Книжный мир»... Сообщаем, что заказанные каталоги прибыли, они уже в Нью-Йорке. Сегодня вечером я отправлю их по адресу. Прибытия следует ожидать, вероятнее всего, завтра, в любое время. Это – именно те экземпляры, фотографии которых вы видели, оба выпуска...

На этом месте Ольга замялась. Но продолжила:

– Хотелось бы предупредить, что и первый, и второй каталоги очень непросты в изучении... Будьте внимательны, желаем успехов. Ба-ай!

Опять раздался звуковой сигнал, и электронная телефонистка уведомила:

– Энд оф мессидж.

Но Владимир Александрович и без перевода понял, что послание окончено. Пока механический голос объяснял, какую кнопку надо нажать для прослушивания следующей записи, что сделать для повтора и как удаляется ставшая ненужной информация, Рэмбо только сопел, глядя на майора. Но потом не выдержал:

– Я не врубился... Тебе тоже показалось, что это?.. Какой Натанзон-то тут? Его же фамилия другая!

– Сматываться надо! – Первая заповедь драки в толпе: уйди с линии удара, потом разберешься, куда отвечать.

– Ага, сейчас... сейчас!

– Уходим так же, понял?

Рэмбо привык подчиняться, поэтому моментально отлип от клавиатуры и двинулся к двери. Но не менее дисциплинированный аппарат уже воспроизводил второй из зафиксированных звонков:

– Четверг, одиннадцать часов сорок минут пополудни... Би-и-ип!.. Хай, это я, Сникерс. – Голос принадлежал относительно молодому мужчине. Типичный фарцовщик из мелких, сказал бы майор Виноградов, услышав его где-нибудь в Киеве или Петрозаводске. – Витя, тут тебя какие-то типы спрашивали, двое. Интересовались, где живешь... Говорят, имеют деловое предложение, а по-моему, это или менты, или того хуже. Но я тебе не звонил, если что, – понял? Все, отзвонись, когда проявишься... Би-и-ип!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.